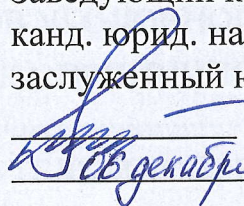

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
Кафедра уголовно-правовых дисциплин

РЕКОМЕНДОВАНО К ЗАЩИТЕ В
ГЭК

Заведующий кафедрой
канд. юрид. наук, доцент,
заслуженный юрист РФ
В.И. Морозов

06 декабря 2022 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
магистерская диссертация

**ПРИНЦИПЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ОСОБЕННОСТИ ИХ
РЕАЛИЗАЦИИ**

40.04.01 Юриспруденция
Магистерская программа «Магистр права»

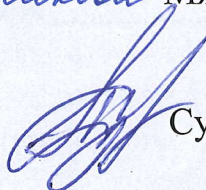
Выполнил работу:

студентка 3 курса

заочной формы обучения Мясникова Анастасия Юрьевна

Научный руководитель:

доктор юрид. наук, профессор

 Сумачев Алексей Витальевич

Рецензент

начальник кафедры правовой подготовки сотрудников

органов внутренних дел ТИПК МВД России,

канд. юрид. наук, доцент

 Шатилович Сергей Николаевич

Тюмень
2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ.....	2
ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ, ФУНКЦИИ, РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА.....	7
1.1. ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА	7
1.2. ФУНКЦИИ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА	28
1.3. РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА	39
ГЛАВА 2. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА	42
2.1. ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАКОНОДАТЕЛЬНО-ОПРЕДЕЛЕННЫХ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА.....	42
2.2. ХАРАКТЕРИСТИКА «НЕТРАДИЦИОННЫХ» (НЕТИПИЧНЫХ) ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА.....	65
ГЛАВА 3. НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ЧАСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА.....	71
3.1. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ЧАСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА.....	71
3.2. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАКТИЧЕСКИХ ФОРМ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА.....	72
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	76
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	79

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

ФЗ – Федеральный закон

РФ – Российская Федерация

СМИ – средства массовой информации

УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В складывающейся в России ситуации, характеризующейся высоким уровнем преступности и наличием необходимости в действительно эффективном уголовном законодательстве, особую значимость приобретает исследование уголовно-правовых принципов. В условиях постоянного нарушения системности уголовного закона, вызванного частыми изменениями и дополнениями Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ), исходя в основном из политической конъюнктуры, а не в связи с криминологической обоснованностью этих изменений и дополнений, важность проведения такого исследования очевидна. Несомненно, что правовые принципы, обладая системообразующей функцией, призваны объединять разнородные нормы права в единый эффективный механизм.

Нельзя сказать, что научных публикаций, посвященных уголовно-правовым принципам, на настоящий момент существует мало. Несмотря на это, современная теория уголовно-правовых принципов представляет собой совокупность разрозненных идей при отсутствии трудов, объединяющих их в стройную теорию. Нередко эти идеи приблизительны и интуитивны, потому что не подкреплены системностью, комплексностью исследования. Уже при первом ознакомлении с литературой, посвященной уголовно-правовым принципам, обращает на себя внимание тот факт, что точки зрения различных ученых по вопросам принципов часто противоречат друг другу.

Важно отметить, что в современных трудах, посвященных проблемам уголовно-правовых принципов, акцент смещен в сторону исследования их конкретных видов. Вопросам методологии изучения правовых принципов, постижения их сущности не уделяется пристального внимания, поэтому в итоге многие конкретные положения и выводы авторов представляются спорными и противоречивыми. Также следует заметить, что в научных работах по рассматриваемой тематике основным предметом исследования выступают законодательно-определенные принципы уголовного права.

Между тем имеются отдельные научные труды, в которых исследуются нетрадиционные «нетипичные» принципы уголовного права. Учитывая вышесказанное, разработка целостного, непротиворечивого представления о системе уголовно-правовых принципов и их видах имеет достаточно высокую степень актуальности.

Степень научной разработанности темы исследования. Состояние научных знаний о понятии, системе и видах уголовно-правовых принципов в современной юридической науке можно охарактеризовать как фрагментарное.

Некоторые общетеоретические проблемы правовых принципов рассматривались в диссертациях на соискание ученой степени кандидата юридических наук, а также на соискание ученой степени доктора юридических наук. В основном исследованию подлежали конкретные принципы уголовного права и некоторые проблемы их реализации. Таким образом, в российской науке уголовного права практически нет работ, посвященных комплексному анализу системы уголовно-правовых принципов.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования выступают общественные отношения, обеспечивающие разработку и реализацию уголовно-правовых принципов в нормотворческом процессе, действующем уголовном праве и практике его применения.

Предметом исследования являлись нормы уголовного права, определяющие принципы уголовного права, практика учета принципов уголовного права, а также теоретические взгляды и концепции по исследованию заявленной темы и связанных с ней проблемами.

Цель и задачи исследования. Целью исследования является изучение сущности уголовно-правовых принципов и разработка на этой основе целостного, непротиворечивого представления об их системе и видах.

Достижение указанных целей предопределило постановку и решение следующих задач:

– раскрыть сущность и выявить характерные признаки и функции уголовно-правовых принципов;

- проанализировать законодательно-определенные принципы уголовного права.
- проанализировать «нетрадиционные» (нетипичные) принципы уголовного права.
- исследовать названия и содержание отдельных уголовно-правовых принципов;
- выработать рекомендации по совершенствованию норм уголовного права и практики их применения при обнаружении противоречия их уголовно-правовым принципам.

Научная новизна исследования. В диссертации предпринята попытка в комплексном виде представить систему уголовно-правовых принципов, основывающуюся на законодательно-определенных принципах уголовного права и «нетрадиционных» (нетипичных) принципах уголовного права.

Теоретическая значимость исследования заключается в определении места уголовно-правовых принципов в российской правовой системе, уточняются их сущность, понятие, признаки и функции. В нем представлена и раскрыты общая характеристика принципов уголовного права.

Сформулированные положения и выводы могут быть использованы при дальнейшей разработке как данной, так и смежных с ней проблем.

С практических позиций результаты диссертационного исследования способны усовершенствовать процесс уголовно-правового нормотворчества, а также стабилизировать и унифицировать практику применения норм уголовного права.

Апробация результатов исследования. По теме магистерской диссертации опубликована одна научная статья.

Методологическая основа исследования базируется на целостном комплексе принципов и методов научного анализа, использующихся в современной уголовно-правовой науке. Основополагающим в работе является диалектический метод. Кроме него применялись частные научные методы: исторический, лингвистический, системно-структурный, формально-логический

(индукция, дедукция, абдукция и прочие методы), сравнительно- правовой, гносеологический и другие.

Нормативную основу исследования образуют нормы международного права, правовые нормы Конституции Российской Федерации, российского уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, положения иных нормативных правовых актов.

Теоретическую базу для написания диссертационной работы составляют труды отечественных ученых, посвященных проблемам уголовно-правовых дисциплин по теме исследования, таких как: С.Г. Келиной, В.Н. Кудрявцевой, В.В. Мальцевой, П.А. Фелеловой, Е.В. Родиной, В.М. Романовой, А.Н. Чураковой, К.В. Ведяхиной, М.Б. Мироненко, С.Е. Фроловой, А.А. Федорченко, З.С. Байниязовой, Н.М. Вагиной, В.М. Реуф, О.Е. Сурковой, Н.В. Вантеевой, С.Ю. Лаврусъ, К.С. Захаровой, А.С. Сидоркиной, Г.Н. Комковой и др.

Структура выпускной квалификационной работы. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, трёх глав, включающих в себя семь параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы.

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ, ФУНКЦИИ, РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА

1.1. Понятие и признаки принципов уголовного права

При изучении содержания понятия «уголовно-правовой принцип» возникают трудности, обусловленные его нечеткими границами. Дело в том, что смысл, вкладываемый в понятие «принцип», претерпел заметную историческую трансформацию. На первом ее этапе в древнегреческой философии произошла «идеализация» принципа, т. е. отделение его от материальных субстанций и сближение с продуктами человеческого мышления.

Второй этап был связан с тем, что ко второй половине XIX века в российской науке исследуемый феномен уже был полностью идеализирован, при этом распространился логический (философский) подход к его пониманию. Понятием «принцип» обозначалось «то, чем объединяется в мысли и в действительности известная совокупность фактов» [Арсеньева, Петрушевский с. 238.], а также «начало, из которого что-нибудь выводится или которым определяется» [Южакова с.630].

В XX веке в России стали предлагаться и другие варианты понимания принципа, например, как: основного, исходного положения какой-либо теории, учения, науки и т.п.; основной особенности в устройстве чего-нибудь; руководящей идеи, начала, основного правила поведения; закона, основного положения о чем-нибудь; основного начала, на котором построена политика. [Ожегов, Шведова с.595].

Таким образом, если, начиная со времени древнегреческой философии, понятие «принцип» обозначало сугубо философскую категорию, то в XX веке его смысловое поле заметно увеличилось – принцип стал пониматься более широко и обыденно. Такое расширение содержания понятия «принцип» не способствовало его единообразному пониманию.

В дальнейшем понятие «принцип», которое означает основание, т. е., что лежит в основе некоторой совокупности фактов или знаний, стало встречаться

уже в основном только в философской литературе [Философская энциклопедия с. 365]. Содержание же самого понятия «принцип» существенным образом расширилось, с чем и связан третий этап его модификации. Так, появляется обыденное назначение принципа: «для обозначения известных точек зрения на ту или другую сторону мышления и бытия» [Арсеньева, Петрушевский с.238]. Это понимание сохраняется и поныне: по «Толковому словарю» В. Даля, принцип – это «научное или нравственное начало, основанье, правило, основа, от которой не отступают» [Даль с. 446] , а по словарю иноязычных слов Л. Н. Крысина, принцип – это, в частности, «убеждение, взгляд на вещи» [Крысин с. 563].

Указанное видоизменение понятия «принцип» не могло не поколебать единообразия в понимании круга признаков, характеризующих это понятие.

Признак – это показатель, примета, знак, по которым можно узнать, определить что-нибудь. Попытки выделить признаки логического понятия «принцип» можно заметить уже в конце XIX века. Считалось, что принцип:

1) должен обладать наибольшим внутренним единством и наибольшей полнотой содержания;

2) связь его с тем, что из него объясняется, должна быть наиболее ясной и внутренне обязательной [Арсеньева, Петрушевский с.238].

В теории советского права признаки (свойства) правовых принципов подробно не разрабатывались, но среди них упоминались следующие: 1) принципы права – это его сквозные идеи; 2) они выражают основы права, закрепляемые в нем закономерности общественной жизни; 3) реально выражены в самой материи права; 4) имеют самостоятельное регулирующее значение [Алексеев с.102-105].

Чуть позже назывались: универсальность – поскольку принципами пронизана вся юридическая материя и они должны учитываться в любой ситуации; высшая императивность, означающая то, что непререкаемая обязательность принципов сильнее предписаний, которые не считаются принципами; особая общезначимость, заключающаяся в том, что претворение

их в жизнь имеет важнейшее значение для всего общества [Королев, Явич. с. 285-286].

Отдельные попытки поисков признаков принципов права были продолжены и в уголовно-правовой науке XXI века. Так, Н.А. Лопашенко пишет, что правовые принципы:

- 1) выявляют объективные закономерности уголовного права;
- 2) основываются на Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципах и нормах международного права и законодательства;
- 3) направляют уголовное право в русло решения его задач;
- 4) пронизывают все уголовное право, проявляясь во всех уголовно-правовых институтах;
- 5) обладают высшей императивностью и общезначимостью; 6) имеют практическое значение [Лопашенко с. 157-159].

По мнению В. Д. Филимонова признаки принципов заключаются в том, что принцип – это: 1) начальное и отправное положение уголовного права, с учетом которого формируется содержание его норм; 2) требование, обязательное для законодателя, правоприменительных органов и граждан в сфере борьбы с преступностью; 3) положение, имеющее для уголовного законодательства сквозной характер; 4) требование, носящее устойчивый характер; 5) положение, которое получило юридическое выражение в уголовно-правовых нормах [Филимонов с. 29-31].

К числу признаков, обязательных для принципов уголовного права В.Н. Яшин и Г.И. Горелова относят: 1) нормативно-правовой характер, т. е. закрепление в законе идей, положений, научных разработок; 2) определение основных, исходных положений уголовного права, из которых, в свою очередь, могут следовать нормы более частного характера; 3) концептуальный (относительно абстрактный), обобщающий уровень идеи, положения; 4) сквозное действие идеи, положения, пронизывающей все нормативное содержание уголовного законодательства, от первой и до последней ее нормы; 5) тесная

взаимосвязь и взаимообусловленность принципов, что позволяет не без оснований рассматривать их в юридической литературе как систему, ибо только определенная совокупность принципов может гарантировать выполнение стоящих перед уголовным правом задач [Яшин, Горелов с. 6).

Предлагаются и более обширные перечни признаков анализируемого нами понятия: 1) обязательное значение принципов в силу их законодательного закрепления в нормах права; 2) принципы выступают основой механизма правового регулирования общественных отношений, являющихся предметом уголовного права; 3) оказывают непосредственное влияние на правотворческую и правоприменительную деятельность, а также поведение граждан; 4) всегда связаны с целями (задачами) уголовного права, а также основаниями уголовной ответственности; 5) имеют сквозной характер для уголовного законодательства; 6) носят устойчивый характер; 7) обязательны для законодателя, правоприменительных органов и граждан; 8) являются результатом логической обработки конкретных норм права; 9) существуют и работают только в системе [Арендаренко с.47] .

Таким образом, в науке уголовного права единого понимания того, какими признаками должен обладать правовой принцип, не сложилось – у каждого автора свой набор и свое количество признаков, лишь некоторые из которых совпадают. Возможно, это обуславливается и тем, что большинство юристов недооценивает значимость данного вопроса, а потому детальных и глубинных исследований признаков, из которых складывается понятие правовых принципов, на данный момент в отечественной теории права не осуществлено. Между тем, очевидно, что существенной разницей в определении учеными признаков правовых принципов диктует необходимость их тщательного анализа. Определение четкого перечня признаков правовых принципов влечет также и решение ряда других вопросов: определение понятия «правовой принцип» и отграничение его от смежных понятий; выявление функций правового принципа и т. д.

Полагаем, что к обязательным признакам уголовно-правовых принципов

следует отнести: 1) нормативность; 2) обусловленность человеческой деятельностью; 3) научную обоснованность; 4) идеологическую выраженность; 5) универсальность; 6) императивность; 7) политическую обоснованность; 8) системность. На основе этих признаков далее и сконструируем определение анализируемого понятия.

1) *Нормативность*. Под нормативностью в праве понимают исходное основополагающее свойство права, придающее ему качество специфического регулятора, координатора деятельности людей [Лазарева с.102], признак права, позволяющий выступать образцами, моделями возможного или должного поведения [Анисимова, с.93].

Правовой принцип – это идея, отражающая необходимую для государства и общества модель поведения, и в этом смысле, обладающая признаком нормативности. Это касается не только принципов, обладающих статусом правовых норм, например, тех, что закреплены в ст. 3-7 УК. Сказанное относится ко всем правовым принципам, включая принципы права, не закрепленные в виде правовых норм, а также принципы деятельности государственных органов по применению и созданию этих норм.

В теории права нормативность обычно не смешивается с формальной определенностью, которая присуща нормам права. Полагаем, прав В.И. Гойман, что нормы-предписания обладают наибольшей формально-юридической определенностью, но в отличие от принципов права, они обладают гораздо меньшим уровнем нормативности. «Наиболее универсальным регулятором, – отмечает автор, – выступают принципы права, которые характеризуются высоким уровнем нормативности и не обязательно требуют закрепления в социальных актах» [Лазарева, с.103].

Не колеблет вывода о нормативности как признаке правового принципа и положение о том, что правовые принципы представляют собой сферу правосознания. «Правосознание тоже обладает известными чертами нормативности, – писал С.С. Алексеев, – (оно имеет информационное и ценностно-ориентационное значение в общественной жизни); но нормативность

правосознания иная, нежели нормативность права как институционального образования. Здесь перед нами не всеобщие, общеобязательные, формально-определенные образцы, модели поведения (что характерно для права как институционального образования), а лишь осознание обязательности юридических норм, идея законности и вместе с тем критерии правильности, социальной оправданности поведения или фактов...» [Алексеев, с.103]. Следует согласиться и с Д.А. Потопейко в том, что «поскольку правосознание принадлежит к числу форм общественного сознания, приуроченных к обслуживанию потребности в определенной социальной регламентации, для него характерно отражение действительности в форме должного, в виде требований, предъявляемых к поведению» [Потопейко с.64].

По нашему мнению, прав В.К. Бабаев в том, что нормативность не является сугубо правовым явлением. «Оно коренится в природе человека и присуще любому социальному организму, – отмечает автор» [Бабаева, с.115].

Следовательно, и мораль также как и правосознание представляют собой совокупность нормативных суждений о правилах поведения людей. Но, «если моральное предписание формулирует главным образом общий принцип поведения, – пишет И. Е. Фарбер, – предоставляя возможность личности в зависимости от конкретной ситуации самой решать, как воспользоваться этим принципом, то с правосознанием дело обстоит иначе. Правовое предписание устанавливает формально-определенные рамки или границы поведения» [Фарбер с.81].

Таким образом, сущность нормативности в упорядочении мышления и общественной жизни, подчинении их определенным правилам [Бабаева, с.115]. Правовые принципы обладают нормативностью.

2) *Обусловленность человеческой деятельностью.* На всем протяжении развития общества понятие «принцип» (от лат. *principium* - основа, начало) имело различные толкования. Его смысл в определенной степени претерпел некоторую трансформацию. В греческой философии первоначально одна из данных в опыте реальностей выделялась как основная и обозначалась как

принцип всего существующего. В качестве таковых выступали либо вода, либо воздух. Но в дальнейшем философами было обнаружено, что вода-принцип (воздух-принцип) не может быть тождественен тому, что обыкновенно называется водой (воздухом). Поэтому один из древнейших философов Анаксимандр приходит к пониманию всемирного принципа как чего-то беспредельного [Арсеньева, Петрушевский с. 238]. Следовательно, повторим, что трансформация понятия «принцип» связана процессом его «идеализации», т. е. отделением его от материальных субстанций и сближением с продуктами человеческого мышления.

Таким образом, человечество пришло к выводу о том, что принципы формируются не природой. Они появляются только благодаря человеку и только в процессе его общественной деятельности. Даже если мы имеем дело не с принципами, которым следует человек в своем поведении, а с принципами действия какого-либо механизма, речь идет о предмете, в который вложен труд человека. Принципы в данном предмете сами не появятся. Также отсутствуют принципы и в любом явлении природы, будь то молния или движение планет – там действуют законы, не зависящие ни от чьей воли, объективно наличествующие заданности, сложившиеся в процессе существования данного явления, его связей и отношений с окружающим миром. Следовательно, создатель принципа – человек, а создатель закона – природа.

В юридической литературе распространена точка зрения о том, что принципы права имеют двойственную природу, т. к. в принципах присутствуют как объективные, так и субъективные свойства. Согласно этой точке зрения, объективная составляющая, которая почему-то в трудах исследователей, как правило, ставится на первое место, проявляется в том, что, принципы права обуславливаются существующими на данном этапе общественными отношениями. Закономерности развития общественных отношений определяют содержание принципов права, благодаря чему оно изменяется от одной исторической эпохи к другой. На взаимосвязь законов общественного развития и принципов права обратил внимание С. С. Алексеев: «...Принципы

выступают в качестве таких правовых явлений, которые непосредственно связывают содержание права с его основами – теми закономерностями общественной жизни, на которых данная система права построена и которые она закрепляет» [Алексеев с.103]. «Субъективное же начало, – пишут С. Г. Келина и В. Н. Кудрявцев, заключается в возможности выбора принципов, которые будут положены законодателем в основу тех или иных правовых институтов и правовой системы в целом» [Келина, Кудрявцев с.16].

Вряд ли смешение в содержании принципов объективных и субъективных начал способствует пониманию их действительной сущности.

Такой подход не приносит ничего кроме путаницы, т. к. при этом встает вопрос об отграничении принципов от законов природы и общественной жизни. Содержание принципа не может быть объективным явлением уже лишь потому, что он есть создание человека. Еще Ш. Монтескье указывал на субъективное происхождение принципа, понимая под принципом правления те человеческие страсти, которые двигают им [Арон, с.77]. То же субъективное свойство подчеркивал и К. Маркс, отмечая, что «люди... создают... принципы... соответственно своим общественным отношениям» [Маркс, Энгельс, с.231]. Из этого, по нашему мнению, правильный вывод делает В. М. Семенов: «Правовые принципы нельзя смешивать с законами (закономерностями) развития общественной жизни, базиса, поскольку эти законы существуют и действуют независимо от воли и сознания людей и используются последними в процессе общественной практики. Принципы же являются продуктом общественного сознания» [Семенов с .19].

Да и сами сторонники «комбинированного подхода» сводят всю объективность принципов на нет. Так, С. Г. Келина и В. Н. Кудрявцев пишут, что при закладывании в основу законодательства тех или иных принципов,

«“риск” социальных последствий законодатель принимает на себя. Чем более близок его субъективный выбор к объективным закономерностям общественного развития, присущим данной исторической эпохе, тем более эффективно будет функционировать эта правовая система» [Келина, Кудрявцев

с.16]. Очевидно, что авторы отделяют содержание принципа права от объективных закономерностей общественного развития. Поэтому правильно, на наш взгляд, рассматривать исследуемый феномен в качестве продукта человеческого мышления.

Итак, происхождение принципов субъективно. Они заложены в право человеком в его общественной деятельности, а не природой

3) *Научная обоснованность.* Правовой принцип можно сформулировать только при использовании научных методов познания.

Прав С. С. Алексеев в том, что для того, чтобы сформулировать принцип права, нужно проделать значительную мыслительную работу [Алексеев с.151]. Такая работа в силу ее сложности и масштабности не под силу обыденному мышлению, она выполнима только при использовании научного мышления. На этот момент справедливо обратил внимание В. Т. Томин, также направивший свой научный интерес на процесс познания правовых принципов: «Принципы вырабатываются наукой. Абстрагирование общих положений из объективной реальности – это функция научного мышления» [Томин с. 194-195]. К аналогичному выводу пришел и В. И. Зажицкий: «...Правовые принципы формулируются учеными на основе достижений правовой мысли за всю историю цивилизации, отечественных достижений, а также с учетом специфических объективных закономерностей развития общества» [Зажицкий В. И. с. 92].

Более подробную разработку вопросы процесса познания принципов права получили в работе О. В. Смирнова «Основные принципы советского трудового права». Сказанное выше позволило автору выделить в процессе познания правовых принципов две стадии. На первой из них происходит ознакомление субъекта познания с многообразием действующих норм права. При этом, чем больше он познает правовые нормы, тем полнее складывается представление о принципах права.

Второй, самый важный этап О. В. Смирнов связывает с применением именно научного мышления. Главная задача, по мнению автора, состоит в том, чтобы добраться до внутренней, скрытой стороны конкретных норм и всей

системы права. А это под силу только научному мышлению, которое дает возможность познавать те глубинные процессы, которые лежат за внешней оболочкой права [Смирнов С. 35]. «Научной абстракцией более высокой степени» [Кленова с. 33) называет принципы права и Т. В. Кленова.

В данном случае следует заметить, что упоминание вышеуказанными авторами в качестве научного метода познания правовых принципов только индукции, критика которой была осуществлена выше, не противоречит выводу о наличии у принципов признака научности, потому что индукция в числе других методов необходима для верификации обозначенных гипотез – правовых принципов.

Чем выше уровень научного мышления, тем более качественную разработку получает теория правовых принципов. Обществу с низким уровнем научно-правового мышления или вообще с отсутствием такового неведома стройная система правовых принципов или вообще какие-либо принципы. Можно поддержать вывод С. Г. Келиной и В. Н. Кудрявцева о том, что «опыт развития права показывает, что правовые принципы не выделялись в нормативном материале и не осмысливались как таковые, они не находили даже словесного упоминания в юридических источниках прошлого» [Келина, Кудрявцев с. 23.]. Но представляется необоснованной критика этими авторами позиции С. С. Алексеева, который связывал существование принципов права лишь с «развитыми национальными правовыми системами». По их мнению, принципы существуют независимо от закрепления их в той или иной правовой норме, а значит они все-таки существуют в праве даже тогда, когда общество еще не готово назвать их перечень. Из анализа точки зрения С. Г. Келиной и В. Н. Кудрявцева складывается впечатление, что правовые принципы существуют в правовых нормах объективно, независимо от прохождения этапа их преломления через человеческое сознание и создания их формулировок. Таким образом, получается, что правовые принципы – это некие положения, присутствующие в праве, которых никто никогда не обнаруживал, а если и обнаружит, то увиденный образ будет существенно отличаться от картины, наблюдаемой

другим исследователем. Под таким углом зрения правовые принципы выглядят объективно существующим, но недостижимым для человеческого восприятия объектом. На наш взгляд, объективно существуют лишь логические связи между правовыми нормами, а правовые принципы строятся, исходя из этих связей, путем применения методов научного познания.

4) *Идеологическая выраженность.* Правовые принципы являются составным элементом правовой идеологии. Именно поэтому они находят свое бытие в идеях, представлениях о существующем или будущем праве. Формальная определенность в законе не является свойством правового принципа, что на данный момент признано большинством юристов.

Однако при попытках раскрыть сущность принципов права далеко не все ученые понимают принципы как идеи. Принципы трактуются не только как основополагающие, руководящие идеи [Васильев с. 8.], но и как исходные, основополагающие начала, основы права [Алексеев с. 150]. Некоторые авторы допускают возможность использования при определении принципов права как терминов «идеи», «начала», «основы», так и других терминов (положения, требования, связи и пр.). Есть даже высказывания и против использования термина «идеи» при формулировании определения понятия принципа [Гревнова с. 2].

По нашему убеждению, поскольку правовые принципы создаются человеком, а также включаются в качестве составного элемента в один из компонентов правосознания – правовую идеологию, использование других терминов помимо термина «идея» при раскрытии природы принципов права было бы очевидной неточностью. По словарю С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой идея определяется, в частности, как основная, главная мысль, замысел, определяющий содержание чего-нибудь [Ожегов, Шведова с. 236]. Следовательно, если законодатель, формирует отрасль права или правовой институт, то, конечно же, он руководствуется идеями, а не началами и, тем более, не основами. Даже если созидатель субъект и исходит из каких-либо начал, то это начала, созданные им же под руководством все тех же идей.

В современной юридической литературе практически никем из ученых не оспаривается факт наличия у принципов права идеологического свойства. Емко и метко выразил идеологическое свойство правовых принципов С. С. Алексеев: «Право – надстроечное явление, принадлежащее к сфере идеологических отношений. И поэтому его начала, которые пронизывают (как бы освещают изнутри) содержание юридических норм, могут быть названы своего рода «идеями». Идеологический признак в правовых принципах видится и многими другими учеными. Так, А. М. Васильев, рассматривая правовые принципы с точки зрения идеологического значения, называет их правовыми «идеями-принципами». Н. А. Бура видит гуманизм, справедливость, равноправие, народовластие и другие принципы как «правовые идеологические принципы», которые «представляют собой идеологическую ценностно-нормативную ориентацию в правовой сфере».

Именно принадлежность принципов права к правовой идеологии как элементу правосознания подтверждает факт существования постоянных дискуссий среди ученых по определению количества, состава и содержания принципов российского права. Поэтому вряд ли можно связывать существенный разницей в определении круга принципов российского права только с тем, что «проблема принципов советского уголовного права находится пока еще в начальной стадии разработки» [Келина, Кудрявцев с. 58].

5) *Универсальность.* Логически принцип отражает определенное всеобщее свойство ряда частных элементов. Поэтому правовые принципы и нормы права (правила его применения) можно представить в виде парных категорий «всеобщее» и «единичное».

По поводу природы категории «всеобщее» в философии нет единой точки зрения. Существуют две основные противоположные позиции по этому вопросу, условно называемые «номинализм» и «реализм». Согласно первой точке зрения, реально существуют только единичные предметы, а общее представлено лишь в словах или понятиях. Вторая позиция предполагает противоположный взгляд на проблему: общие понятия столь же, а то и более реальны, чем единичные

предметы. Существует «компромиссное» решение данного вопроса, согласно которому диалектика единичного и общего предполагает их неразрывную связь. Общее не может существовать само по себе, в «чистом» виде. Оно неразрывно связано с единичным, существует в нем и через него. Единичное же, входя в тот или иной класс предметов, заключает в себе те или иные общие черты, т. е. в нем так или иначе всегда есть и общее.

Будем исходить из реалистического утверждения о том, что всеобщее существует в объективной реальности и его нельзя из нее исключить.

«Отождествление всеобщего с мыслью, – по этому поводу пишет Э. В. Ильенков, – как исходный тезис всякой системы философского идеализма, приходится расценить как совершенно бездоказательно принятую аксиому, как чистейший предрассудок, унаследованный от средневековья» [Ильенков с.255]. Автор стоит на позиции объективной реальности всеобщего «в смысле закономерной связи материальных явлений, в смысле закона их сцепления в составе некоторого целого, в составе саморазвивающейся тотальности, все компоненты которой «родственны» по существу дела не в силу того, что все они обладают одним и тем же одинаковым признаком, а в силу единства генезиса, в силу того, что все они имеют одного и того же общего предка, или, выражаясь точнее, возникли в качестве многообразных модификаций одной и той же субстанции, имеющей *вполне материальный* (т. е. независимый от мысли и слова) характер».

Традиционно принято считать, что всеобщее может проявляться, как правило, в поверхностном сходстве внешних черт единичных предметов. Однако применение только формально-логического способа для отыскания абстрактно-общего всем единичным представителям одного рода встречает серьезные трудности. «Совершенно ясно, – пишет Э. В. Ильенков, – что конкретное (эмпирически очевидное) существо связи, объединяющей различных индивидов в некоторое «одно», в *общее* множество, полагается и выражается отнюдь не в абстрактно-общем для них признаке, не в том определении, которое одинаково свойственно и тому и другому. Скорее такое единство (или общность) создается

тем признаком, которым один индивид обладает, а другой – нет. И отсутствие известного признака привязывает одного индивида к другому гораздо крепче, чем одинаковое наличие его у обоих... Всеобщее отнюдь не то многократно повторенное в каждом отдельно взятом единичном предмете сходство, которое представляется в виде общего признака и фиксируется знаком. Оно прежде всего закономерная связь двух (или более) особенных индивидов, которая превращает их в моменты одного и того же конкретного, реального, а отнюдь не только номинального единства. И последнее гораздо резоннее представлять как совокупность различных *особенных* моментов, нежели в виде неопределенного множества безразличных друг другу единиц. Всеобщее выступает тут как закон или принцип связи таких деталей в составе некоторого целого – тотальности...» [Ильенков с.253].

Таким образом, всеобщее – это не совокупность единичных проявлений, а связь, присущая им. Сказанное распространяется и на принципы права, т. к. последние являются всеобщим по отношению к нормам права. Предполагая наличие общего признака в совокупности частных элементов, мы начинаем искать его в виде связей между ними. Находя такую связь, мы делаем умозаключение о наличии всеобщего в совокупности частного.

Поскольку принципы – это универсальные идеи, «общие предки» ряда единиц, то они способны на протяжении времени порождать неограниченный какими-либо рамками круг общественных явлений. Данное качество всеобщего метко подчеркнул Э. В. Ильенков, говоря о том, что всеобщее воплощает в себе «не только как возможность, но и как необходимость развертывания – так сказать, «реальной экспликации», – простой формы в многообразно-расчлененную действительность. В праве принципы представляют собой идеи, способные к постоянному распространению (вырабатыванию, «размножению») тех форм, в которых они получают свое бытие. «Носителями» правовых принципов-идей являются правовые нормы, которые получают определенные направленность и окраску именно за счет конкретных правовых принципов.

Принципы права – это идеи, обобщенные настолько, что это дает

возможность создавать не только подчиненные им правовые институты, отдельные правовые нормы, частные правила их конструирования, систематизации и применения, но также и учреждать идеи меньшей степени обобщенности – принципы отдельных правовых сфер. Например, общие уголовно-правовые принципы (законность, справедливость, гуманизм и т. д.) настолько абстрактны, что это дает потенциал для развития данных идей в направлениях уголовно-правовой политики – криминализации, кодификации, квалификации уголовно-правовых деяний и т. д. Именно благодаря качеству универсальности, правовых принципов одного уровня не может быть много. Так, закономерно, что в УК сформулировано лишь пять принципов уголовного права (ст. 3-7).

Именно за счет признака универсальности принцип отличается от правила. Принцип – категория настолько обобщенная, что может порождать неограниченное множество руководящих правил. Правило же в силу своей целенаправленности и ограниченности рамками конкретного казуса действует применительно к типовой ситуации.

б) *Императивность*. Уголовно-правовой принцип представляет собой не только идею, всеобщую (универсальную) по сути, но также и императивную по статусу. Правовой принцип так же, как и правовая норма, обладает свойством общеобязательности. Различие между ними состоит лишь в том, что соблюдение правовой нормы обеспечивается принудительной силой государства, а принцип такого обеспечения не имеет. Он лишь указывает на модель должного поведения, а непосредственное регулирование осуществляют правовые нормы.

7) *Политическая обоснованность*. Уголовно-правовые принципы всегда обусловлены действующей политикой в сфере уголовно-правовой борьбы с преступностью. В. И. Ленин писал: «Закон – есть мера политическая, есть политика» [Ленин с. 99] Ф. Энгельс также справедливо отмечал, что «все юридическое в основе имеет политическую природу» [Маркс, Энгельс с.635]. Многими признано, что право по своему существу является политической категорией, имеет политическое содержание. Уголовно-правовые принципы как

юридическое явление тому не исключение. Однако отличие уголовно-правовых принципов от норм уголовного права состоит в том, что принципы в гораздо более концентрированном виде, чем нормы права, выражают суть осуществляемой государством политики.

Политическое свойство уголовно-правовых принципов признается многими учеными, хотя оно и не выделяется ими в качестве отдельного признака. Очень точно, по нашему мнению, выразил политическую сущность

принципов права В. М. Семенов: «При помощи права политические требования приобретают общеобязательную силу, силу закона. Следовательно, в принципах права в наиболее сжатом виде выражены требования политики, отражена политическая направленность правового регулирования, сочетается правовая и политическая сущность» [Семенов с.19]. Прав и А. И. Бойко: «Политическое содержание в принципах по борьбе с преступностью неизбежно, хотя бы потому, что государство есть политический инструмент власти, призванный заявлять и реализовывать, если это возможно в определенных социально-экономических координатах, интересы элиты» [Бойко с. 123-124.]. Показательно, что А. И. Бойко рассматривает принципы уголовного права и уголовную политику в одном и том же параграфе учебника.

Политическую составляющую правовых принципов ясно отразил и С. С. Алексеев: «Правосознание превращается в особо политически и юридически значимое явление после того, как образующие его идеи воплощаются непосредственно в праве, выражаются в его основополагающих принципах. Не случайно господствующее правосознание, рассматриваемое в этом аспекте, оказывается столь важным ориентиром в правотворческой и правоприменительной деятельности компетентных государственных органов, существенным критерием при толковании права и при восполнении пробелов в нем». [Алексеев с.204].

Связь уголовно-правовых принципов с уголовной политикой подчеркивается также и тем, что данные принципы провозглашаются, как правило, при смене политических курсов государств. Политические оттенки

применительно к уголовному праву были отмечены еще в трудах Беккариа, Монтескье, Вольтера, Гельвеция, Дидро, Гольбаха, Руссо и других мыслителей-реформаторов XVIII века, в которых отражались уголовно политические взгляды шедшей к власти буржуазии, стремившейся свергнуть господство феодалов. Причем идеи, которые намного позже стали относить к разряду принципов уголовной политики большинства современных государств, включая и Россию, содержатся в трудах именно этих ученых. Как правило, на этих мыслителей ссылаются в современности при рассмотрении истории появления идей законности, равенства всех перед законом, соразмерности наказания причиненному вреду, неотвратимости ответственности и т. д.

Генезис учения об уголовно-правовых принципах практически шел в ногу с развитием идей о принципах уголовной политики. Этот факт не является историческим совпадением, а лишь еще раз подчеркивает особую взаимосвязь уголовной политики и принципов. Так, в работах одного только Чезаре Беккариа содержатся идеи, послужившие основой для формулирования практически всех основных уголовно-правовых принципов. Многие из них закрепились и в действующем УК. Например, Беккариа сформулировал принцип, в соответствии с которым только закон может устанавливать наказания за преступления, что судья не может этого делать, как не может и назначать наказания, выходящие за пределы закона (принцип законности). Беккариа отмечал, что законы должны главным образом служить средством предупреждения преступления, поэтому суровые наказания, и в особенности смертная казнь, неприемлемы (принцип гуманизма). Чезаре Беккариа также выразил принцип, который оказал весьма значительное влияние на уголовное право и продолжает оказывать в настоящее время: «Неизбежность наказания, даже умеренного, всегда производит более сильное впечатление, чем страх подвергнуться самому суровому наказанию, если при этом существует надежда на безнаказанность» [Беккариа с.117]. В институте наказания для него большое значение имели два таких принципа, как равенство наказаний для всех граждан и соответствие между совершенным преступлением и наказанием (принципы равенства и справедливости).

8) *Системность*. Принципы, как правило, не существуют в единственном числе. У человека или групп людей как у субъектов общественной деятельности всегда наличествует какая-то совокупность принципов. Если даже на конкретно взятый исторический момент у данного субъекта имеется лишь один единственный принцип, то это значит, что этот субъект в общественной деятельности неизбежно столкнется с необходимостью воспроизведения других принципов, уравнивающих, гармонизирующих друг друга.

Для того чтобы общественная деятельность субъекта была эффективной, совокупность принципов упорядочивается, оформляется в систему. Изначально данное свойство обусловлено стремлением к самосохранению субъекта, а также результатов его деятельности. Право как общественное явление всегда стремится (посредством человеческой деятельности) к самосохранению, оформляясь в систему. Поскольку принципы, о которых идет речь в настоящей работе, – это правовое явление (принципы являются частью правовой системы), то и свойство системности также переходит правовым принципам. Права Е. А. Лукашева: «...Принципы права неразрывно связаны с его системностью. При реализации той или иной правовой нормы очень важно учитывать принципы всей правовой системы, придающие единую направленность этой системе» [Лукашева с.24].

С точки зрения теории систем правовые принципы можно рассматривать на микро- и макроуровнях. На микроуровне исследуется система принципов как самостоятельное и самодостаточное явление. В этом случае различного рода и ранга принципы выступают в качестве элементов данной системы.

На макроуровне эта взаимосвязанная и взаимозависимая совокупность принципов является лишь подсистемой, включенной в более глобальную совокупность взаимосвязанных элементов – правовую систему. В данном случае принципы сами рассматриваются уже как элемент системы.

При изучении принципов на микроуровне мы сможем определить соотношение их между собой, и тогда возможно выявить роль какого-либо конкретного принципа как элемента для всей системы принципов. Но чтобы показать роль принципа вообще, следует рассмотреть все принципы на

макроуровне (как подсистему), где они выступают отдельным органом правового организма. Только тогда можно увидеть и место, и значение, и функции правовых принципов в системе права.

Особенностью системного подхода к изучению предметов и явлений является то, что объект, состоящий из определенных элементов, рассматривается не как хаотическое нагромождение составляющих его частей, а как их взаимодействие и упорядоченность. В настоящее время данный подход применяется также и в научных исследованиях права.

Центральным звеном системного подхода является понятие «система». Под системой в философии понимается совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях между собой и образующих определенную целостность, единство. В качестве основных признаков системы выделяют: целостность, зависимость элементов от места и функции, структурность сети связей и отношений, взаимозависимость системы и среды

Различают материальные системы (которые подразделяются на системы неорганической природы, живые и социальные системы) и абстрактные системы (понятия, гипотезы, теории, научные, логические и другие системы). Правую систему следует отнести ко второму типу из

названных явлений, поскольку оно нематериально и представляет собой продукт мыслительной деятельности человека.

С позиции теории систем правовая система характеризуется как открытая, незавершенная и динамическая система, которая при определенной стабильности ее элементов предполагает и их изменимость. Присоединение к ней новых элементов (норм, институтов) не влечет превращение ее в какую-либо иную систему. В то же время отпадение ее отдельных элементов не уничтожает самой правовой системы.

Любая система находится в определенной зависимости от внешней среды. Функционирование правовой системы является необходимым условием для существования системы правовых принципов, поскольку отсутствие правового бытия влечет и отсутствие его принципов. С другой стороны, и система

принципов не лишена свойства детерминировать дальнейшее развитие правовой материи.

Преобразование системы – это неизбежный для нее процесс. В теории систем выделяют внешние и внутренние причины развития процесса преобразования. К внешним причинам относятся: изменение внешней среды, вызывающее функциональное изменение элементов; проникновение в систему чуждых объектов, приводящих в отдельных случаях к функциональным изменениям отдельных элементов.

Внутренними причинами являются: непрерывный рост количества дифференцированных элементов системы в ограниченном пространстве, в результате чего обостряется противоречие между ними; накопление ошибок «репликации», т. е. воспроизведении себе подобных; прекращение роста и воспроизведения составляющих систему элементов [Аверьянов с.204-205].

В. И. Ленин писал, что развитие системы «в направлении целостности состоит... в том, чтобы подчинить себе все элементы... или создать... еще недостающие ей органы. Таким путем система в ходе развития превращается

в целостность». Если в системе права есть нормы, противоречащие правовым принципам, то это еще не отрицает существования принципов. Система как живой организм будет стремиться к отторжению неблагоприятного для нее элемента. Но если таких элементов окажется больше, чем сможет вынести система, то ее ожидает разрушение.

В данном случае встает вопрос о динамике этого разрушения и о целесообразности рассмотрения вопроса о появлении новой системы. В современной философской литературе процесс возникновения системы рассматривается как диалектическое единство противоположностей постепенности и скачка. «В период постепенности, – отмечает А. Н. Аверьянов, – появляются новые элементы внутри старой системы, происходит их количественный рост, что, конечно, еще не означает появления новой системы» [Аверьянов с.172].

Уголовное законодательство России после принятия УК 1996 г.

подвергается постоянным изменениям, наличие которых даже при всех противоречиях устоявшимся правовым принципам пока не свидетельствует о появлении новой системы уголовного права. Для появления новой системы в данный период, скорее, необходим «скачок». Особенно об этом свидетельствует закрепление основных принципов уголовного права в ст. 3-7 УК, которые не позволяют круто изменить реализующийся курс уголовной политики и заменить старую систему на новую. По поводу необходимости

«скачка» В. И. Ленин писал: «Капитализм сам создает своего могильщика, сам творит элементы нового строя, и в то же время, без «скачка», эти отдельные элементы ничего не изменяют в общем положении вещей, не затрагивая господства капитала» [Ленин с.65-66]. Таким «скачком» в современной ситуации может выступить принятие нового Уголовного кодекса – возникновение новой системы уголовного права.

Среди рассмотренных нами признаков уголовно-правовых принципов умышленно не назван такой признак, как устойчивость [Филимонов, Арендаренко]. Принципы – это действительно, как правило, устойчивые явления. Но такая устойчивость обеспечивается лишь грамотной и дальновидной реализацией правовой политики.

Нельзя относить к принципам уголовного права «принципы» действия уголовного закона в пространстве, о которых пишется практически в любом учебнике по уголовному праву. Было бы большим заблуждением утверждать, что уголовный закон действует, например, именно благодаря «территориальному принципу». «Действие» закона – это его применение человеком. Поэтому если и стоит искать принципы, то это следует осуществлять либо в деятельности человека (как связи между актами человеческого поведения), либо в ее результатах (как связи между элементами результата). При анализе норм Уголовного кодекса РФ мы не обнаруживаем принципиальных, идейных, уголовно-политических всеобщих связей какого-либо «принципа» действия уголовного закона в пространстве с другими нормами уголовного права. Есть лишь структурно-логические связи. И есть лишь правила (см.,

например, ч. 1 ст. 11 УК), лишены универсальности принципа, поскольку подлежат применению только в предусмотренной ситуации.

Итак, рассмотрев признаки уголовно-правовых принципов, к которым относятся нормативность, обусловленность человеческой деятельностью, научная обоснованность, идеологическая выраженность, универсальность, императивность, политическая обоснованность и системность, можно заключить, что под такими принципами можно понимать систему научно сформулированных, предельно обобщенных идей, выражающих общеобязательные требования, на которых основываются уголовно- правовая политика и уголовное право.

Установление круга признаков уголовно-правовых принципов и определение их понятия приводят к все еще неполной характеристике данной категории, потому что без ответа остается вопрос об их функциях в уголовном праве.

1.2. Функции принципов уголовного права

Функция (functio - исполнение) в философии означает обязанность, круг деятельности. Применительно к социальным явлениям функция понимается как роль, которую определяет социальный институт (или частный социальный процесс), выполняет относительно потребностей общественной системы более высокого уровня организации или интересов составляющих ее классов, социальных групп и индивидов. Следовательно, говоря о функциях правовых принципов, мы будем иметь в виду их роль в системе общественных регуляторов.

Несмотря на важность понимания природы правовых принципов, вопрос об их функциях, так же как и вопрос о признаках правовых принципов, до сих пор не получил должного освещения на страницах юридической литературы. И, тем не менее, систематизировав отдельные высказывания затрагивавших данный аспект ученых, можно прийти к выводу о том, что правовые принципы: играют

роль идеологического ориентира для общества; выступают как политические программные требования; оказывают регулирующее воздействие на поведение граждан, несмотря на то, что не предписывают каких-то конкретных действий; оказывают воздействие на правильную реализацию правовых предписаний в деятельности правоприменительных органов; помогают глубже уяснить смысл конкретных норм действующего законодательства; стабилизируют правоприменительную практику; осуществляют системообразующую функцию для права, т. е. выступают в качестве средства достижения целостности и единства права, обеспечения его внутренней согласованности; указывают направление, в котором должно развиваться и совершенствоваться законодательство, оказывают влияние на формирование правовых норм.

Соответственно, выделим следующие функции уголовно-правовых принципов: идеологическая; политическая; регулятивная; толковательная; стабилизирующая; системообразующая.

1. Идеологическая функция уголовно-правовых принципов состоит в том, что они участвуют в правовом воспитании граждан и формировании их правосознания, потому что правовые принципы сами по себе уже являются составным элементом правосознания, представляя правовую идеологию.

В. П. Казимирчук, основываясь на проведенных в СССР, а также за рубежом социологических исследованиях, пишет, что «в общественном мнении имеет место существенное различие между относительно слабым знанием правовых норм и довольно прочным знанием общих принципов права. Граждане, как правило, знакомы и хорошо усваивают общие требования права, вошедшие в правовое сознание как социальные ценности, как социальные требования, как генеральная идея, и вместе с тем частные его предписания во многих положениях им не известны. Иными словами, члены общества слабо знают содержание той или иной правовой нормы, в отличие от общих прав и обязанностей» [Казимирчук с.39].

К такому же верному, по нашему мнению, выводу приходят С. Г. Келина и В. Н. Кудрявцев: «Воздействие норм-принципов на граждан

заключается в том, что эти нормы способствуют воспитанию граждан, формированию их социалистического правосознания» [Келина, Кудрявцев с. 31]. «В отношении граждан нормы-принципы призваны содействовать формированию их социалистического правосознания, – также отмечают авторы, – воспитанию в духе непримиримости к преступлениям и неотвратимости ответственности, а тем самым – удержания от совершения преступлений» [Кудрявцев, Келина с. 11].

2. *Политическая функция.* Уголовно-правовые указывают направление для модернизации уголовного права, правоприменительной практики, определяя границы осуществления уголовно-правовой политики. Права Н. В. Шигина, говоря об уголовно-политической природе принципов, закрепленных в статьях 3-7 УК, так как «они гарантируют субъектам уголовного права (личности и государству) в политико-правовых отношениях между ними ... их основные интересы: 1) заинтересованность государства в установлении и соблюдении границ репрессивной власти над личностью; 2) защищенность личности от произвола репрессивной власти и злоупотреблений ею». [Шигина с.21-22].

Верно, по нашему мнению, показывает связь правовых принципов с уголовной политикой Л. А. Прохоров: «Каждой общественно-экономической формации свойственны свои принципы, выражающие сущность порождающего их строя. Они выдвигаются для того, чтобы разъяснить определенным классам существо проводимой политики. Это характерно и для права». Несмотря на гипертрофированный идеологический оттенок, являющийся следствием борьбы советской и буржуазной систем, как нельзя верно автор выявляет основную функцию принципов уголовного права:

«Советские криминалисты выполняют важную политическую задачу – вскрывают принципиальное различие назначения наказания в советском буржуазном уголовном праве. Но можно ли говорить о таком различии, не показав тех основных положений, которые обуславливают это различие? Теория должна выделить эти принципы, помочь практическим работникам уяснить их»

.

Рассматриваемая функция уголовно-правовых принципов – это функция, направленная на перспективу. По-видимому, ее имел в виду О. В. Смирнов, говоря о таком свойстве правовых принципов как целенаправленность. «Принципы советского социалистического права, – пишет автор, – будучи идеями, основными положениями политики..., закрепленными в нормах действующего законодательства, не только обладают известной нормативностью, но и указывают на цели, общее направление правового регулирования общественных отношений» [Смирнов с.115]. То же самое, полагаем, имел в виду В. О. Навроцкий, говоря о программирующей функции правовых принципов.

3. *Регулятивная функция.* В отличие от политической функции, регулятивная функция не направлена на перспективу, а оказывает воздействие «здесь и сейчас».

Вопрос о регулятивной функции правовых принципов относится к разряду дискуссионных. Некоторые ученые наличие данной функции у правовых принципов отрицают. Ряд ученых (А. А. Алексеев, П. В. Анисимов, Н. А. Беляев, С. Г. Келина, В. Н. Кудрявцев, В. О. Навроцкий и др.) считают, что правовые принципы имеют регулирующее значение. Некоторые ставят вопрос о регулятивной функции правовых принципов только применительно к нормам- принципам.

Полагаем, что вопрос необходимо ставить шире, поскольку вряд ли есть какое-то основание отрицать регулятивную функцию как у норм- принципов, так и у других норм права. Так, очевидно, что принцип справедливости (ст. 6 УК) регулирует назначение наказания, а принцип вины (ст. 5 УК) – процесс квалификации преступления и т. д. Поэтому согласимся с О. В. Смирновым в том, что «нормативностью обладают как те принципы, которые текстуально сформулированы в конкретных статьях закона (так называемые нормы-принципы), так и те, которые не получили подобного закрепления» [Смирнов с.13].

По нашему мнению, регулятивная функция присуща не только нормам-

принципам, но и уголовно-правовым принципам вообще. В теории права принято выделять регулятивную функцию правосознания. Правовые принципы как структурный элемент правосознания наследуют данную функцию. Именно поэтому О. В. Смирнов верно подчеркивает, что «в отличие от юридических норм регулятивное значение принципов права не столь конкретно», «оно не тождественно регулятивному значению норм права», правовые принципы «оказывают регулирующее воздействие на поведение граждан, хотя и не предписывают каких-то конкретных вариантов поведения».

Такое понимание правовых принципов соответствует представлениям о регулятивной функции правосознания теоретиками права. Например, Н. А. Бура видит ее проявление в сознательных волевых поступках человека,

подвергающегося упорядоченному воздействию со стороны права. «Когда говорится, что подавляющее большинство членов социалистического общества выполняют правовые предписания добровольно, в силу глубокого внутреннего убеждения, – пишет автор, – то имеется в виду именно регулирующая роль социалистического правосознания...» [Бура с.61].

Между тем регулятивную функцию принципов в уголовном праве вряд ли достаточно связывать только с неуклонным исполнением гражданами правовых предписаний, а также с правообразованием, «ибо процесс образования права есть не что иное, как объективирование посредством правосознания потребности в правовом регулировании общественных отношений».

Сфера реализации этой функции в уголовном праве гораздо шире. В литературе по уголовному праву она обычно увязывается с деятельностью компетентных государственных органов по применению соответствующих норм уголовного права. При этом вряд ли правильным было бы сводить существо регулятивной функции правовых принципов к применению их в случаях пробелов в законе, несогласованности правовых норм или затруднений в их применении, к тому же, как мы полагаем, в данном случае речь идет о функции толкования, а не о регулятивной функции.

Значение рассматриваемой функции проявляется, по нашему мнению,

несколько иначе. Так, мы полностью согласны с В. О. Навроцким в том, что регулятивная функция включает в себя самостоятельное влияние правовых принципов на поведение лиц, которые производят уголовно-правовую квалификацию, что «знание принципов позволяет дознавателю, следователю, прокурору, судье, дать правовую оценку деяния даже в случаях, когда необходимое правило им неизвестно или не разработано теорией уголовного права. Таким образом, принципы уголовно-правовой квалификации позволяют иметь своеобразный запас надежности, резерв для оценки тех случаев, которые до сих пор не встречались в правоприменительной практике ... Поэтому юрист, который знает и понимает принципы квалификации, сможет сориентироваться и в новой, сначала необычной, для него правовой обстановке, решить конкретные вопросы, *выходя прямо из принципов* (курсив мой. – Т. С.)».

И. М. Васильев, доказывая важность знания правовых принципов, не без оснований замечает, что «работники органов внутренних дел должны иметь ясное представление, чем руководствуется суд при назначении наказания, какие обстоятельства имеют значение при определении судом меры наказания. Осуществляя дознание, проводя предварительное следствие или оперативно-розыскные и другие мероприятия, они обязаны собрать все материалы, относящиеся к обстоятельствам, как смягчающим, так и отягчающим ответственность виновного» [Васильев с.31]. Следовательно, уголовно-правовые принципы оказывают определенное регулирующее воздействие на профессиональную деятельность работников правоохранительных органов по борьбе с преступностью, поскольку задают направление оперативно-розыскного поиска, влияют на круг подлежащих установлению фактов и т. д.

В пользу наличия у уголовно-правового принципа регулятивной функции можно отнести и возможность судебного усмотрения при назначении наказания. И у судебного усмотрения есть пределы. Так, А.И. Рарог и Ю.В. Грачева пишут, что судебское усмотрение в уголовном праве ограничивается пределами, установленными законом, волей законодателя, конкретными обстоятельствами совершения преступления, основами морали, а также

принципами права [Рарог, Грачева с.98] . М. А. Кауфман в качестве основы для принятия решения судьей при пробеле в уголовном праве видит правосознание, уголовно-правовые и общие принципы права.

Действительно, уголовный закон оставляет многие вопросы назначения наказания на усмотрение судье, но это не означает полной вседозволенности. Правовые принципы не перестают действовать и в случае, когда нормы права

«молчат». Уголовно-правовые принципы регулируют деятельность судьи по выбору вида, размера или срока наказания, а также о целесообразности его применения в каждом конкретном случае.

Так, Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор Омского областного суда в отношении Б. был изменен в части смягчения наказания. Сославшись в апелляционном определении на ст. 6 УК, Судебная коллегия указала, что назначенное Б. наказание является несправедливым вследствие чрезмерной суровости и подлежит смягчению [Уголовное дело №50-АПУ14-27//Архив Верховного Суда РФ за 2014]. *Функция толкования* присуща правовым принципам, благодаря наличию у них признака универсальности, рассмотренного нами ранее. Принцип не только отражает наиболее существенные характеристики реальной действительности, но и, как отмечается в литературе по философии, является одновременно способом (методом) ее познания и преобразования. В правовой плоскости это означает, что, зная принципы права, можно легче и точнее понять конкретные правовые нормы.

Данная особенность принципов подмечена многими теоретиками. Например, А. Эйнштейн определял принципы как некоторые общие предположения, в которых теоретик нуждается в качестве фундамента и, исходя из этого, может вывести следствия. К. Маркс утверждал, что нормы права нельзя понять, исходя из них самих.

Данная функция по праву юристами связывается с выявлением правоприменителем пробела в праве или обнаружением им прочей трудности применения уголовно-правовой нормы. Так, С.С. Алексеев справедливо считал, что функция толкования проявляется в том, что в случае пробелов в законе,

несогласованности правовых норм или затруднений в их применении правоприменитель должен руководствоваться правовыми принципами.

Но если, например, в гражданском праве к случаям, прямо не урегулированным законодательством или соглашением сторон, возможно применение общих начал, смысла и принципов гражданского права (аналогия права), то, в соответствии со смыслом ч. 2 ст. 3 УК, в уголовном праве недопустима любая аналогия. Следовательно, функция восполнения пробелов для уголовно-правовых принципов не свойственна. Именно благодаря запрету аналогии в уголовном праве юристы, видящие содержание функции толкования у принципов лишь в преодолении пробелов в праве, отрицают наличие такой функции у уголовно-правовых принципов.

Между тем содержание этой функции правового принципа не ограничивается преодолением пробелов, что делает вывод об исключении ее из числа функций уголовно-правового принципа поспешным. Действие принципов находит место и при несогласованности правовых норм или при затруднениях в их применении.

Например, в действующем УК арест не включен в систему наказаний, назначаемых несовершеннолетним. В то же время в ч. 2 ст. 54 УК (в редакции ФЗ от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ) было указано, что арест не назначается лицам, не достигшим к моменту вынесения судом приговора шестнадцатилетнего возраста. Иначе говоря, эта норма позволяла назначать

данный вид наказания несовершеннолетним в возрасте от 16 до 18 лет. Возникла коллизия: одна норма УК разрешала назначение ареста указанной категории лиц, а другая запрещала. В юридической литературе совершенно обоснованно предлагалось решать данную коллизию на основе принципа гуманизма, то есть применять наиболее гуманную для несовершеннолетних норму, закрепленную в ст. 88 УК [Верина с.174]. Однако принципом гуманизма воспользовался сам законодатель, внося Федеральным законом от 24 ноября 2014 г. № 371-ФЗ изменения в ч. 2 ст. 54 УК, в которой теперь идет речь о восемнадцатилетнем возрасте осужденного.

4. *Стабилизирующая функция.* Если отдельные нормы уголовного права подвержены частым изменениям, то правовые принципы представляют собой относительно статичное явление. В особенности это касается принципов, получивших текстуальное выражение в уголовном законе. Они декларируют основные идеи уголовно-правовой политики, задают соответствующее направление для законотворческого процесса и предохраняют правила квалификации уголовно-правовых деяний и назначения наказания от частых изменений. Прав А.Н. Тарбагаев, что «принципы уголовного права, определяя направление и наиболее важные черты правового регулирования, закрепляя тенденции его развития, являются своеобразной гарантией защиты законодательной и правоприменительной практики от прямого влияния меняющихся политических и конъюнктурных интересов» [Тарбагаев с.117].

Вывод об устойчивости правовых принципов подтверждает также рассмотрение их в аксиологическом аспекте. Принципы права отражают в себе те ценности, которые сформировались на текущем отрезке развития общества. Обращаясь к принципам права, можно получить общее представление о ценностных ориентациях того или иного социума. «Во многих случаях социальные ценности, отраженные в праве, – пишет В.Н. Кудрявцев, – становятся правовыми идеями, принципами права, находят в нем свое как бы «второе рождение». Таковы, например, идеи социалистической демократии, равенства, справедливости, свободы, ответственности. Все эти социальные ценности возникли в сфере экономических, политических и идеологических отношений, но, будучи закреплены в праве, они стали и правовыми ценностями, юридическими идеями-принципами» [Кудрявцев с.99].

Справедливо и то, что «моральные и всякие другие ценности не являются естественными или сверхъестественными свойствами, а представляют собой специфические социальные явления. Сама по себе природа, рассматриваемая вне жизнедеятельности человека, не обладает никакими ценностями, в ней нет ни добра, ни зла». А социальные явления, несмотря на то, что подвержены изменениям, в виду их инертности не могут изменяться мгновенно. Даже

принятие во внимание того факта, что одни исследователи социальных изменений делают акцент на эволюционном пути их развития, а другие на революционном, по нашему мнению, не опровергает сделанного вывода о стабильности социальных явлений. Здесь необходимо учесть, что эволюционный путь развития общественных отношений уже предполагает «плавность» процесса перехода этих отношений из одного состояния в другое, а неотъемлемым свойством революционного пути является существование «периодов накопления революционного состояния», также характеризующихся относительной стабильностью общественных процессов.

Кроме того, формирование социальных ценностей обуславливается ценностным консенсусом, т. е. всеобщим согласием в отношении действительно значимых для общества вещей. В социологии отмечается, что ценностный консенсус не является сознательным, поскольку индивиды не создают ценности «с нуля». Они приходят от предшествующих поколений к последующим «в виде лучших и наиболее эффективных способов реализации дел». Правовые принципы в их наиболее общих формулировках, представляя собой результат ценностного консенсуса, выраженного в праве, также подвержены преемственности принципов, сформированных предшествующими поколениями. Примером может служить древний принцип римского права: «*nullum crimen, nulla poena sine lege*», получивший широкое распространение в XVIII веке, и ставший основой принципа законности в современном праве. Сказанное подтверждает вывод об устойчивом, стабильном характере правовых принципов.

Данная стабильность, безусловно, является относительной. Всякое ценностное отношение имеет субъективную сторону, поскольку, как отмечает А.П. Сергеев, «ценности обусловлены практической деятельностью человека и тесно связаны с его существованием: только для человека и только через человека действительность приобретает ценностный характер» [Сергеев с.9]. В общем виде данное свойство выразил В. Брожик: ценности меняются по мере того, как изменяется сам человек [Брожик. с.12]. С изменением ценностей в

обществе изменяются и принципы права в той степени, в которой они перестают отвечать значимым для общества установкам. Однако данные выводы не ставят под сомнение утверждение о том, что правовые принципы необходимы для стабилизации права и практики его применения.

5. *Системообразующая функция.* Правовые принципы – это явление системное. Но помимо того, что они сами собой представляют определенную систему, правовые принципы еще и оказывают упорядочивающее воздействие на подчиненные им элементы, находящиеся в правовой системе. Выше нами отмечалось, что правовые принципы обладают признаком универсальности, то есть выражают всеобщие связи по отношению к правовым нормам и прочим правилам поведения (например, правилам квалификации преступлений). Кроме того, как уже говорилось, правовые принципы обладают императивным качеством, то есть их учет обязателен в правотворчестве и правоприменении. На основе данных предпосылок следует полагать, что правовые принципы осуществляют системообразующую функцию по отношению к праву и практике его применения, т. е. выступают в качестве средства достижения их целостности и единства, обеспечения их внутренней согласованности.

Вывод о том, что правовые принципы обладают системообразующей функцией, находит общее одобрение и в теории права. Например, по мнению С. С. Алексеева «системообразующими факторами могут быть названы все тесилы, причины, обстоятельства, которые обуславливают структуру советского права, приводят к формированию и развитию ее подразделений». Именно такими системообразующими, интегративными элементами, по его мнению, являются принципы права.

Подтверждением наличия у правовых принципов системообразующей функции является и признание юристами того факта, что игнорирование принципов ведет к нарушению системности уголовно-правовой отрасли. По мнению ряда ученых в области уголовного права, в результате нерационального правотворчества действующий УК потерял системность, в связи с чем ситуация в области уголовного правотворчества становится опасной для общества и

государства.

Итак, к функциям уголовно-правовых принципов можно отнести идеологическую, политическую, регулятивную, толковательную, стабилизирующую и системообразующую функции. Четкое определение функций уголовно-правового принципа позволяет ясно очертить сферу его влияния в нормотворчестве и применении уголовного права. Перечень таких функций демонстрирует законотворцу и, в особенности, правоприменителю возможности принципов, расширяя горизонт юридического правосознания и повышая правовую культуру юриста. Таким образом, зная сущность, понятие, признаки и функции уголовно-правовых принципов, можно получить о них в целом достаточно объективное представление. Чтобы завершить изучение понятия «уголовно-правовой принцип», необходимо отграничить его от смежных философских, юридических и других понятий.

1.3. Роль и значение принципов уголовного права

Значение принципов уголовного права при формировании уголовно-правовой доктрины состоит, прежде всего, в том, что на их основе должны формироваться и определяться задачи и цели уголовного права, вырабатываться основные направления уголовно-правовой политики, намечаться формы и методы ее реализации. С их учетом должны формироваться институты уголовного права, характер их взаимодействия и т.п.

Принципы уголовного права выполняют две функции: идеологическую, проявляющуюся в виде воспитательного воздействия на граждан и воздействия на законодателя, создающего уголовный закон, и регулятивную, реализующуюся путем разрешения на основе принципов конкретных юридических дел.

С.С. Алексеев среди функций принципов права особо выделяет регулятивную. Она проявляется в том, что в случае пробелов в законе, несогласованности правовых норм или затруднений в их применении правоприменитель должен руководствоваться правовыми принципами. Важно

отметить, что последние не только определяют уровень правового регулирования тех или иных общественных отношений, но и указывают на дальнейшее развитие законодательства.

Иванов Р.Л. констатирует у принципов права наличие двух функций: внутренней и внешней. Внутренняя состоит в воздействии на систему юридических норм, обеспечивающих ее непротиворечивость и согласованность. Все нормативные предписания должны логически вытекать из содержания принципов и точно им соответствовать. Это позволяет осуществлять правовое регулирование на единых началах и обеспечить их максимальную эффективность. Реализуя внутреннюю функцию, руководящие положения обслуживают нормативный массив, и их воздействие на общественные отношения происходит опосредованно - через определяемые ими конкретные юридические нормы [Бидова с. 423-425].

Принципы уголовного права обязывают законодателя учитывать их при криминализации и декриминализации деяний, введении новых уголовно-правовых институтов и отдельных норм, т. е. при осуществлении государственной уголовной политики. Все принципы уголовного права тесно взаимосвязаны между собой и выступают в качестве единой системы.

Закрепление в Уголовном кодексе РФ принципов уголовного права играет большую роль не столько в теоретическом, сколько в практическом плане. Их регламентация в уголовном законе призвана оказать действенную помощь законодателю в процессе создания новых правовых норм правоприменителю при работе конкретным уголовным делом. Таким образом, значение принципов уголовного права состоит в том, что ими руководствуются судебно-следственные и иные правоохранительные органы в осуществлении своей деятельности. Например, принцип вины обязывает суд установить и доказать вину подсудимого и ее форму (умысел или неосторожность). Принцип гуманизма требует от суда при назначении наказания обдумать вначале возможность применения наименее строгого вида наказания из тех, что предусмотрены в санкции конкретной нормы Особенной части, а лишь затем

переходить к более строгому виду наказания. Принципами уголовного права должны руководствоваться и граждане при защите своих законных прав и интересов, при противодействии преступности.

Значение принципов не исчерпывается тем, что на их основе формируется уголовно-правовая доктрина. Они играют и другую роль. Принципы необходимо учитывать, руководствоваться ими в процессе нормотворческой, законодательной и правоприменительной деятельности. Это означает, что принятие кодифицированных актов, изменений и дополнений к ним, принятие отдельных законодательных законов должно базироваться на принципах, должно исходить из них. При этом важно, чтобы ни закон в целом, ни отдельные его нормы не противоречили бы принципам права (правовым принципам). В литературе правильно отмечается, что правотворческая деятельность современного государства должна исходить из определенных принципов, основных идей, организационных начал. При этом сами принципы могут получить законодательное закрепление и выражение, то есть из принципов идей (правовых принципов) превратиться в принципы права. Это очень важный этап. Если принципы-идеи получают к тому же статус принципов-норм, то, как правило, исключается неоднозначное понимание на практике. К сожалению, в действующем УК РК и многочисленных дополнениях и поправках к нему эти требования не учитываются [Быстрыкин, с. 808].

Таковы основные взгляды на понятие, признаки, функции, роль и значение принципов уголовного права. Далее стоит акцентировать внимание на характеристике конкретных принципах уголовного права, как закрепленных в уголовном законодательстве, так и нетрадиционных (нетипичных) принципах.

ГЛАВА 2. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА

2.1. Характеристика законодательно-определенных принципов уголовного права

В Уголовном кодексе Российской Федерации обозначены и зафиксированы пять основных принципов уголовного права, такие как: законности (ст. 3 УК РФ), равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ), вины (ст. 5 УК РФ), справедливости (ст. 6 УК РФ) и гуманизма (ст. 7 УК РФ). Эти основные начала являются регулятором правовой деятельности и обеспечивают выполнение единой уголовной политики, а также помогают предупреждать нарушения прав граждан в процессе борьбы с преступностью. Принципы считаются руководящими началами в правотворческой и правоприменительной практике [Михлина, с. 138].

Принципы уголовного права имеют весомый практический и теоретический смысл. Они дают возможность представлять как юридическую, а также и политическую природу правовых институтов и правовых норм. Принципы оказывают значительное воздействие на формирование диспозиций и наказаний (санкций) всякой уголовно-правовой нормы Особенной части уголовного закона. Можно сказать, что эти принципы являются основным ориентиром, от степени их соблюдения напрямую зависит степень системности, устойчивости и эффективности общественной правовой системы.

Выделяют следующие особенности принципов уголовного права: - стабильность и неизменность на протяжении действия закона; - императивный характер, так как нормативные требования строго обязательны и не допускают отступлений; - распространение на весь нормативный акт, на все его нормы без исключения; - лаконичность и краткость, высокий уровень обобщения; - конкретность и ясность, не допускающие неоднозначного понимания и толкования. Чтобы понять смысл каждого принципа, необходимо рассмотреть

каждый более детально.

Принцип законности.

Закрепленный в уголовном праве принцип законности считать конкретизацией общеправового значения данного начала, нашедшего отражение в целом ряде нормативных установлений Конституции России (ст. 4, 15, 19, 32, 45-52). В основу его конституционного закрепления ложатся соответствующие нормы международного права, закрепленные в п. 1 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., п. 1 ст. 7 Конвенции Совета Европы «О защите прав человека и основных свобод» 1950 г. Данный смысл, по мнению автора, отражен в ч. 2 ст. 1 УК РФ, из содержания которой следует: «настоящий Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права». Принцип законности является основой для проектирования норм уголовного закона и его практического применения.

Законность специфична тем, имеет свойство определять сущность системы отрасли, а также служить надежной основой обеспечения остальных начал, оказывать воздействие на решение стоящих перед отраслью задач.

Именно принцип законности закреплен в ст.3 Уголовного кодекса Российской Федерации, как основополагающее начало среди принципов, составляющих систему руководящих принципов уголовного права. В качестве «самой надежной гарантии общественной безопасности» (статья 4 Уголовного кодекса Франции 1810 г.) этот принцип отражен в Уголовном кодексе в классической формуле «*nullum crimen, nullum poena sine lege*» - «нет преступления и нет наказания, если только оно не предусмотрено законом». Существующий сегодня смысл указанного принципа отражен в ст. 3 УК РФ: «Преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом. Применение уголовного закона по аналогии не допускается».

Принцип законности объединяет в себе ряд правовых требований, важнейшее из которых заключается в том, что преступным деяние не будет

признано до тех пор, пока его не запретит закон. Прежде всего это означает, что деяния определяются как «*nullum crimen sine lege*» только тогда, когда на их совершение наложен прямой законодательный запрет.

Названное положение является свидетельством невозможности аналогии в процессе применения права, в связи с чем отсутствует необходимость специально выделять недопустимость использования аналогии. Этому можно дать оценку как некой форме реагирования современного законодателя на возможность применения действовавшего ранее закона, который допускал аналогию до 1958 года.

Объяснением наличия подобного рода возможности служит то, что в нормативном понятии преступления отсутствовала такая характеристика, как запрещенность законом.

Так, уголовные кодексы 1922 г. и 1926 г. устанавливали возможность уголовного преследования за деяния, запрет на совершение которых прямо в данном нормативном материале отсутствовал, если они были аналогичными запрещенным УК преступлениям.

Указанные нормативные установки явились предпосылкой для политических репрессий широкого масштаба.

По смыслу ныне действующего уголовного законодательства, даже в случае появления в действительности новых преступных деяний, основания подвергнуть лицо уголовному преследованию появятся только после криминализации указанных деяний в рамках действующего уголовного закона («*nullum poena sine lege*» - без указания закона нет наказания).

Современный закон представляет собой базис для определения критериев наказуемости деяния как социальной угрозы. Он же и обладает «монопольной» функцией определять систему оснований для фактического освобождения от наказания (ч.1ст.80,ст.81,ст.83 УК РФ и др.) То же правило действует и в отношении мер уголовно-правового характера, оснований и условий их применения.

Следует обратить внимание на то, что отечественное уголовное

законодательство содержит первые упоминания об «иных уголовно-правовых последствиях» совершения преступления, среди которых выделяются принудительные меры воспитательного характера, принудительные меры медицинского характера, а также иные, не являющиеся наказанием.

Уникальным и единственным источником российского уголовного права является УК РФ.

Итак, преступным деяние может быть признано исключительно при закреплении его в качестве такового высшим органом государственной власти путем обличения в форму закона, предусматривающего и соответствующие его последствия.

Изложенный аспект обсуждаемого принципа регламентирован ч.1 ст.1 УК РФ, декларирующей, что «уголовное право Российской Федерации состоит из уголовного Кодекса». Из этого вытекает необходимость полной кодификации регламентирующих вопросы ответственности за преступное посягательство норм. То есть положения закона, содержащие регламентацию ответственности за совершение военных преступлений или, например, устанавливающие основания и порядок привлечения к ответственности лиц, не достигших совершеннолетия не могут действовать обособленно.

Вместе с тем неверно утверждать, что положения ч.1 ст.1 носят абсолютный характер, поскольку первоисточниками отрасли выступают конституционные и международно-правовые нормы, получившие закрепление в ч.3, 4 ст.11, ч.1,2,3 ст.12, ч.2 ст.13 УК РФ.

Итак, можно выделить два основных аспекта, составляющих содержание уголовно-правового принципа законности: с одной стороны основанность на конституционных предписаниях, с другой – на общепризнанных нормах международного права. (ч.2 ст.1 УК РФ).

Положения ст.15 Конституции отражают соотношение международно-правовых норм с нормами национального права, в частности и уголовного.

Составной частью отечественной правовой системы выступают и международные принципы и нормы, являющиеся общепризнанными, и

интернациональные договоры.

Нормы международного права обладают приоритетом для разрешения возникающих коллизий.

В соответствии с ч.2 ст.1 УК РФ «Уголовный Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права».

Так как основополагающей целью норм уголовного права является охрана прав и законных интересов человека и общества, при этом в нормах международного права не предусмотрены санкции (за исключением установления ответственности за геноцид), то их регламентация в отечественном законе реализуется в той степени, в которой она способна отвечать задачам национальной уголовной политики. Данная тенденция получила свое отражение в ст.12 применительно к преступлениям против мира и безопасности человечества. Ряд норм, устанавливающих уголовную ответственность за совершение международных преступлений, установлены и другими разделами: н-р, в 9-м разделе о преступлениях против общественной безопасности и общественного порядка. События, происходящие в последние десятилетия, дают основания предполагать трансформацию законодательства в духе создания положений, регулирующих вопросы транснациональных преступлений, число которых характеризуется стремительным ростом.

Ряд положений Уголовного кодекса Российской Федерации – например, действие Уголовного кодекса в пространстве и применение Уголовного кодекса Российской Федерации по норме о гражданстве – отсылают к международным конвенциям:

Должно быть, сходство международного и национального права объясняется закономерными тенденциями интернационализации преступности в условиях мировой глобализации. Этим же обусловлена и перспектива неизбежного увеличения числа международных преступлений.

Помимо изложенного, необходимо также отметить следующие аспекты исследуемого уголовно-правового начала:

Установление преступного статуса отбывающих на основании соответствующего решения суда наказание лиц является монопольной и исключительной функцией уголовного закона, равно как и нормативное определение круга обязанностей и прав, в зависимости от которых находится динамика социальных отношений, складывающихся по поводу охраны от преступных посягательств соответствующих ценностей.

Для уполномоченных осуществлять уголовное судопроизводство органов действует императивное требование о толковании уголовно-правовых норм только буквально, не допуская распространительного толкования, и строго в рамках, определенных их компетенцией.

Законодательные органы могут криминализировать только посягающие на подлежащие правовой охране социальные и личные интересы и ценности деяния, тогда как взгляды, образ мысли и убеждения, даже если они представляются противоречащими действующим нормативным установкам, не могут подвергаться наказанию.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что существо рассматриваемого уголовно-правового начала заключается в исключительной возможности закона определять своими рамками основания и порядок привлечения к ответственности за деяния, криминальность которых также подлежит строго законодательному определению.

Все устанавливающие ответственность за преступное посягательство нормы принципов затрагиваются обсуждаемым принципом. Так, на императивный запрет на совершение преступлений, определяемый только законом, указано в норме-дефиниции, раскрывающей содержание указанного понятия (ст.14 УК РФ).

Система и базовые понятия уголовного закона, элементы составов всех преступлений подлежат определению только нормами уголовного кодекса. Описание образующих в совокупности состав отдельного преступного посягательства и необходимых к исследованию и учету при квалификации деяния признаков (частей конструкции состава) дано в каждой норме Особенной

части.

В процессе осуществления правотворческой деятельности степень соответствия проектируемого нормативного материала содержанию исследуемого принципа всегда необходима к учету.

Как ранее указывалось, невозможность аналогии в применении уголовного закона определяют содержание важного требования принципа законности. Представителями правовой науки уделяется большое внимание исследованию вопросов, посвященных проблеме аналогии. Несмотря на категоричность данного нормативного требования, рядом обстоятельств в науке ставится под сомнение целесообразность продолжения исследования названного вопроса.

Правовая теория различает аналогию закона, предполагающую к регламентированным одной нормой социальным отношениям применение правила, регулирующего отношения сходные, и аналогию права, под которой принято понимать применение в отношении спорных вопросов в случае отсутствия их специального законодательного урегулирования базовых начал законодательного смысла, в том числе со ссылкой на общеправовые принципы. В этой связи возникает закономерный вопрос о наличии запрета на второй способ восполнения пробелов в нормативном материале. Так, некоторые представители научного юридического сообщества считают, что поскольку любой закон, регулирующий отношения конкретной отрасли, так или иначе содержит пробелы, нецелесообразным является отказ от обращения к принципам общеправовым, не противоречащим к тому же задачам разных отраслей законодательства. Учитывая изложенное, целесообразным представляется применение в исключительных случаях аналогии права. Когда оно, будучи способным преодолеть законодательный пробел, не связано с трансформированием системообразующих свойств закона.

Установлено, что криминализация деяния подлежит исключительно установлению нормами уголовного закона, однако, об отступлении законодателя от являющегося принципиальным условием реализации обсуждаемого принципа приведенного выше правила свидетельствует содержание закрепленная статьей

331 норма, о том, что «уголовная ответственность за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке, определяется законодательством Российской Федерации военного времени».

Надлежащее соблюдение принципа законности затрудняется наличием противоречий между положениями особенной и общей частей. Примером служат различия в понятии деятельного раскаяния, изложенном в ч.1 ст.75 УК РФ и тем, которые содержат примечания некоторых статей (126,205,206 и др.)

В Особенной части в примечаниях к статьям о деятельном раскаянии, например, при государственной измене (в примечании к ст. 275 УК РФ) употребляется слово «освобождается». При даче взятки (примечание к ст. 291 УК РФ) – тоже «освобождается». Данное разногласие порождает споры: одни считают неправильной конструкцию деятельного раскаяния в Общей части УК РФ, другие – в Особенной части УК РФ. Аргументы первых – принципы законности и равенства обязывают суд освобождать от уголовной ответственности и наказания при наличии указанных в законе условий. Аргументы вторых – основания освобождения от уголовной ответственности иные, нежели основания привлечения таковой [Бастрыкин с. 808].

Тождественность содержания нормативного регулирования обеих частей кодекса является обязательным условием, способным помочь избежать коллизий и достичь единообразия в судебной практике.

Помимо этого, в нормах особенной части в отношении рассматриваемого вопроса содержатся оговорки о непризнании основанием освобождения от уголовной ответственности деятельного раскаяния: «если в действиях лица не содержится иного состава преступления». Вместе с тем, подобной оговорки в общей части не содержится, кроме того за «другое преступление» лицо подлежит ответственности самостоятельно в соответствии с требованиями ст.8 (пример: незаконное хранение оружия при подготовке государственной измены). В данном случае это должно квалифицироваться самостоятельно, не затрагивая деятельного раскаяния за государственную измену.

Результатом подобных неудачных формулировок в судебной практике

сталиотказы в освобождении от уголовной ответственности и наказания, когда на подготовительной стадии одного преступления, лицом совершалось иное запрещенное уголовным законом деяние.

В этой связи была произведена некоторая законодательная трансформация в целях устранения коллизий. Так, Федеральным законом от 08.12.2003 г. № 169-ФЗ внесены изменения в ч. 1 ст. 75 УК РФ, а ст. 198 УК РФ получила новую редакцию.

Вследствие этого на основании ч.1ст.75 УК РФ для лиц, впервые совершивших преступление не только небольшой тяжести (в старой редакции), но и средней тяжести, стало возможным освобождение от ответственности при условии наличия иных требований, указанных в законе, вместе с тем в соответствии с новой редакцией обязательно наличие признака «вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным»

По итогам изменения редакции ст.198 УК РФ было исключено примечание, что дало возможность применения в отношении лиц, совершивших деяния, запрещенные указанной нормой, положений ч.1ст.75 УК РФ. Это свидетельствует о наличии последовательности в действиях законодателя, которая при условии своего постоянства в проектировании законодательных норм является эффективным средством в достижении цели избежать противоречия и пробелы в нормативном материале.

Принимая во внимание изложенное можно отметить, что именно последовательная реализация принципа законности в уголовном праве имеет принципиальное значение для повышения качества нормотворческой и правоприменительной деятельности. Ввиду того, что определение признаков деяния, характеризующих его как преступное, возможно только нормами уголовного законодательства, исследуемый принцип обязывает законодательную власть наряду с точным и подробным закреплением признаков составов преступлений решать возникающие в процессе осуществления уголовного судопроизводства проблемы толкования и применения соответствующих норм в целях избежания неоднородности судебной практики,

которая влечет нарушение принципов справедливости и равенства.

Принцип равенства граждан перед законом

Принцип равенства граждан перед законом, который в соответствии со ст.4 УК РФ означает, что «лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств», справедливо можно назвать некоторым новшеством, если рассматривать его в контексте исторического развития уголовного законодательства России.

По мнению С.Г. Келиной и В.Н. Кудрявцева, это объясняется тем, что «с точки зрения исторического развития другие принципы имеют «постоянную величину», в то время как принцип равенства граждан перед законом находится в динамике».

Во времена становления советской власти и перехода от капитализма к социализму не шла речь о провозглашении данного принципа, ведь идея равенства была чужда уголовному праву, служившему инструментом борьбы с «эксплуататорами».

Так, УК РСФСР 1926 г. отягчающим наказанием обстоятельством устанавливал совершение преступления лицом, которое «в той или иной мере было связано с принадлежностью в прошлом или настоящем к классу лиц, эксплуатирующих чужой труд». Тогда как совершение преступления рабочими и крестьянами признавалось основанием для смягчения наказания.

По прошествии некоторого времени (1958 г.) в ряде основополагающих советских нормативных актов было отражено содержание принципа равенства граждан перед законом.

Несмотря на то, что в УК РСФСР принцип законности формально не был продекларирован, его отражение в иных нормативных актах послужило толчком к развитию широких научных дискуссий по поводу соответствия данному началу

советского законодательства.

Указанная идея в уголовном законе впервые получила отражение лишь в 1996 году. Однако, дискуссии по поводу принципа равенства среди современных ученых-специалистов в области уголовного права по-прежнему не исчерпали себя.

Принцип равенства требует соблюдения равных для каждого условий наступления уголовной ответственности. Вместе с тем, соблюдение принципа важно и при разрешении вопросов об освобождении от уголовной ответственности. Несмотря на придание большого значения необходимости соблюдения принципа равенства, следует отметить, что современная правоприменительная практика в части, касающейся данного вопроса далека от совершенства.

Защита прав граждан в уголовном судопроизводстве является одним из приоритетных направлений уголовно-правовой политики государства, при этом анализ правоприменительной практики показывает, что существующие законодательные механизмы обеспечения равенства всех перед законом и судом являются несовершенными, что влечет за собой невозможность в должной степени обеспечить реализацию в действительности основополагающих принципов данной отрасли права, а зачастую сводится к тому, что они носят лишь декларативный характер. Данная ситуация обусловлена тем, что при неизбежном наличии конфликта интересов участников уголовного судопроизводства сторона защиты, хотя и наделенная правом реализовать свои права установленными и незапрещенными законом способами, на деле зачастую оказывается лишенной возможности качественно осуществлять защиту, что является следствием наличия пробелов в законодательных механизмах обеспечения указанных прав и обусловлено особенностями функционирования системы, в условиях которой сторона обвинения фактически занимает привилегированное положение и зачастую злоупотребляет своим положением (простой пример: недопуск адвокатов к своим подзащитным, содержащимся под стражей, без разрешения лица или органа, в производстве которых находится

уголовное дело, несмотря на то, что закон не устанавливает разрешительный порядок свидания адвокатов и их доверителей). Принимая во внимание изложенное, можно говорить о том, что существующая нормативная модель уголовного процесса во многом устарела и нуждается в реформировании, на что ранее обращал внимание уполномоченный по правам человека в РФ: необходимо усовершенствовать законодательные механизмы обеспечения уже установленных прав защиты (в том числе возможно прибегнуть к ужесточению санкций за воспрепятствование их реализации, разработать четкое законодательное регулирование вопросов легализации результатов оперативно-розыскной деятельности). Кроме того, важно уделить особое внимание функционированию системы, в рамках которой осуществляется уголовное судопроизводство. Немаловажным фактором в решении данной проблемы автору представляется и правовое воспитание будущих работников правоохранительной системы в духе уважения, справедливого и равного отношения к правам всех участников уголовного судопроизводства, поскольку взаимодействие автора с сотрудниками следственных, судебных, а также органов прокуратуры в рамках профессиональной деятельности позволило сделать выводы о невысоком уровне правовой культуры в вопросах уважения прав стороны защиты и признании равенства перед законом.

Принцип вины

Содержание законодательно закрепленного принципа вины отражено в ст.5 УК РФ, согласно которой обязательным условием привлечения лица к уголовной ответственности является совершение им именно тех деяний и наступление последствий, в отношении которых установлена его вина. Недопустимо привлечение к ответственности за невиновное причинение вреда.

Данный принцип в какой-то степени содержит в себе элементы равенства. Сравнивая принцип вины и принцип равенства граждан перед законом, А.Н. Игнатов утверждает: «Согласно принципу вины, его онтологической интерпретации, субъект, виновный в совершении преступления, кто бы он ни был и что бы из себя не представлял, должен нести ответственность».

Принцип вины получил свое развитие из международно-правовых и конституционных принципов. Ст. 11 Всеобщей декларации прав человека устанавливает: «каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем главного судебного разбирательства» . Пункт 2. ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах гласит, что «лицо совершившее преступление, отвечает только за те деяния и последствия, которые причинены им лично умышленно либо по неосторожности». Данные международные положения нашли свое дальнейшее отражение и в Конституции РФ. Ст. 49 Конституции гласит: «Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность».

Рассматриваемый принцип предполагает законодательную криминализацию деяний, устанавливая при этом в качестве обязательного условия привлечения к ответственности наличие умысла или неосторожности (либо двух компонентов для преступлений с двумя формами вины).

Указанный принцип предполагает, что вина есть основополагающая предпосылка уголовной ответственности. Характерной чертой данного принципа является его «персональный характер», это означает, что ответственность за преступление всегда индивидуальна, она связана с конкретным субъектом и не может распространяться на иных лиц, даже добровольно согласившихся на наступление негативных последствий. Так, в российском уголовном праве согласие потерпевшего на причинение вреда не является обстоятельством, декриминализирующим деяние (пример: эвтаназия по российскому законодательству подлежит квалификации по ст.105 УК РФ и в данном случае возможен лишь учет смягчающего обстоятельства – мотива совершения запрещенного деяния – сострадания).

Принцип вины предполагает, что к уголовной ответственности лицо

привлекается тогда, когда совершение преступления охватывалось его волей и сознанием.

Вторым элементом значения исследуемого принципа является провозглашение запрета привлекать к ответственности в тех случаях, когда деяния(и, соответственно, последствия) совершены невиновно. Таким образом, принцип вины не признает правомерным привлечение к ответственности лица, по объективным причинам не осознававшего и не имевшего реальной возможности осознавать (например, в силу невменяемости) причинение им вредоносных обществу последствий.

Некоторыми учеными-правоведами высказывается мнение о том, что несмотря на прямой запрет объективного вменения одним из руководящих начал отрасли, искоренить его полностью не удалось. Так, в практике встречались примеры, когда после изнасилования спустя довольно длительный период времени наступали тяжкие последствия в виде самоубийства потерпевшей, и, таким образом, осужденному вменялись последствия, по времени значительно удаленные от времени совершения преступления.

Так или иначе законодатель продолжает принимать различные меры по исключению зачатков объективного вменения. В качестве одного из способов используется «отграничение» преступлений по признакам деяния, а также по признакам вины, путем уточнения умысла, указанием мотива, цели, описанием составов с неосторожной формой вины с детальным описанием последствий и т.д.

Таким образом, стоит отметить, что в какой-то мере принцип вины раскрывает тесную взаимосвязь объективных и субъективных признаков преступления. Так, привлечение лица к ответственности возможно лишь за те намерения и желания, которые нашли реальное воплощение в действительности в виду опасных последствий содеянного, при этом даже за тяжкие последствия невозможно привлечение к ответственности лица, когда указанные последствия небыли охвачены его психическим отношением.

Исходя из анализа норм действующего уголовного закона, следует

отметить, что в качестве единственного основания требовать установления психического отношения к иным обстоятельствам, о которых речь идет в теории и правоприменительной практике, служит законодательное определение понятие преступления, содержащее признак виновности, который отделен от противоправности. Вместе с тем положениями ст.5 УК РФ не охватывается, в сущности, вопрос о виновной ответственности, при этом данное понятие отличается более широким значением, ведь оно включает осознание виновным помимо деяния и последствий иных признаков состава. Можно сказать, что принцип вины представляет собой некое ядро виновной ответственности. Принимая во внимание изложенное, можно заключить, что суть принципа виновной ответственности состоит в том, что лицо подлежит привлечению к уголовной ответственности только в случае установления его вины в отношении запрещенного деяния и опасных последствий и при условии осознания им иных объективных обстоятельств деяния, имеющих правовое значение.

С учетом изложенного отметим, что для виновной ответственности характерно следующее: в процессе квалификации действий имеет значение не только установление вины, но и осознание других обстоятельств деяния, имеющих юридическое значение. В случае отсутствия такого осознания (при условии включения данного обстоятельства в состав преступления) это обстоятельство не подлежит учету при квалификации. Тем не менее в судебной практике этому не уделено достаточного внимания.

Так, например, в п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» отмечается, что «при квалификации действий лица, совершившего кражу, по признаку причинения гражданину значительного ущерба судам следует, руководствуясь примечанием 2 к статье 158 УК РФ, учитывать имущественное положение потерпевшего, стоимость похищенного имущества и его значимость для потерпевшего, размер заработной платы, пенсии, наличие у потерпевшего иждивенцев, совокупный доход членов семьи, с которыми он ведет совместное хозяйство и др». В данных разъяснениях не указывается на необходимость учитывать

осознание привлекаемым лицом данных об имущественном положении потерпевшего, при этом в практике распространены случаи, когда осужденный не имел представления об имущественном положении потерпевшего. С одной стороны, можно говорить о том, что эти положения направлены на защиту прав потерпевших, однако, таким образом нарушается принцип виновной ответственности и в какой-то мере справедливости.

Таким образом, справедливо отметить, что законодательное закрепление принципа виновной ответственности имеет важное практическое значение при квалификации общественно опасных деяний.

Принцип справедливости

Законодательство и уголовное судопроизводство должны выполнять свое назначение регуляторов общественных отношений средств защиты социальных ценностей от опасных посягательств в условиях строго следования идеям справедливости и человеческой морали.

По словам Платона, «правосудие есть решение спора о справедливом и несправедливом» [Платон с.431]. Философы трактуют справедливость как «соответствие истине», «истинности», как «правильность решений и действий» и т.п.

Справедливость выступает представлением о «надлежащем», соответствующем понятиям о неотчуждаемых правах человека, моральных устоях социальных ценностях.

Справедливость является отражением требования о соответствии между правами и обязанностями, противоправностью и наказуемостью.

Важность справедливости для человека и общества очевидна. Как говорил И.Кант, «когда справедливость исчезнет, то не останется ничего, что могло бы придать ценность жизни людей».

Из норм международного права следует, что национальные системы права «должны эффективно содействовать благотворному и справедливому развитию с должным учетом факторов, связанных с правами человека и социальной справедливостью, обеспечивать независимость от личных и

групповых интересов при отправлении судебных и квазисудебных функций и соблюдение принципа беспристрастности...».

Закрепление в законе обязательных критериев назначения справедливого наказания рассматривается в качестве гарантии соблюдения прав виновных и потерпевших. Существуют базовые критерии: соответствие наказания характеру и степени общественной опасности совершенного преступного посягательства, соответствие наказания обстоятельствам совершения преступного деяния и соответствие наказания личности виновного.

В соответствии со ст.6 УК РФ наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление.

Нормативное содержание принципа справедливости заметно отличается от его философского понимания. Так, в законе философские аспекты справедливости распределены в разных нормах, в том числе о равенстве и гуманизме, тогда как законодательная сущность рассматриваемого принципа сводится к идеесоразмерности действия и его оценки с точки зрения уголовного права. С учетом этого, возможно, более уместно было бы назвать данное начало «принципом соразмерности», который не содержит в себе оттенков содержания понятия справедливости с точки зрения морали и философии и является более уместным с точки зрения технической стороны принятия решения по делу. При этом, оценив содержание всей совокупности уголовно-правовых принципов уместно будет говорить об их общей справедливости.

Причинение вреда человеку, обществу, государству расценивается как «социальная несправедливость». В этой связи в качестве одной из целей уголовного наказания законодатель выделяет «восстановление социальной справедливости», которое предполагает назначение осужденному наказания, способного вредоносные последствия содеянного нейтрализовать. Однако,

данную категорию можно оценить как более философскую или теоретическую, поскольку реальное достижение этой цели очень часто оказывается невозможным в действительности, поэтому и более уместно говорить о соразмерности применяемых санкций, нежели о восстановлении справедливости. Иначе говоря, проявление справедливости в уголовном праве сводится к законодательному определению справедливой санкции за содеянное, которая характеризуется признаком объективности, отражает окружающую действительность, то есть соответствует характеру общественных отношений, охраняемых данной нормой. Например, государственной охране подлежат интересы несовершеннолетнего и экономическая деятельность. Тогда в случае совершения несовершеннолетним преступления в сфере экономической деятельности, складывается необходимость совмещения двух объектов государственной охраны в разных направлениях: усиление санкции по первому основанию, ослабление – по второму. В каждом из случаев проявляется социальная обоснованность.

Подводя итог, можно сказать, что понятия «справедливость» и «принцип справедливости» не идентичны. Общим признаком служит нравственная категория добра, тогда различие основывается на степени распространения указанных категорий на общественные отношения.

«Справедливость» в ее широком смысле выступает в качестве своего рода основы для формирования не только принципа справедливости, но и остальных руководящих начал отрасли. Можно сказать, что юридическое содержание рассматриваемого принципа состоит из определенных требований: справедливость криминализации деяний, привлечения к уголовной ответственности.

Справедливо также заметить, что в тексте уголовного закона принцип справедливости раскрыт неполно, поскольку указанная в нем конструкция направлена на защиту прав преступника, но не потерпевшего.

Прежде всего закон и суд призваны обеспечивать безопасность граждан, пострадавших от преступных посягательств, интересы общества, и только потом, учитывая позитивные перспективные цели, проявлять либеральное и доброе

отношение к преступнику.

Очевидна важнейшая роль справедливости во всех сферах общественной жизни, однако, в сфере охраны безопасности и противодействия вредоносным посягательствам на охраняемые ценности и интересы роль ее многократно возрастает.

Принцип гуманизма

Этимология понятия «гуманизм» связана с латинским словом «humanitas» означаящим человечность, человеколюбие.

Начало развития концепции гуманизма приходится на эпоху возрождения и связано с именами таких общественных деятелей как Леонардо да Винчи, Ф. Бэкон, У. Шекспир, Н. Коперник, Ф. Петрарка и других, которые позиционировали человека как центр мироздания, венец природы в противовес его религиозно-аскетическому пониманию.

В настоящее время в основу понятия о гуманизме положено убеждение в способности человека к самосовершенствованию, требование о защите достоинства личности и свободы, идеи о том, что удовлетворение интересов и потребностей человека должно быть конечной целью общества.

Идеи гуманистического толка находили свое отражение уже в уголовной политике молодого советского государства. Так в ст.26 УК РСФСР 1922 г. указывалось, что «наказание должно быть целесообразно и в то же время совершенно лишено признаков мучительства». В третьем разделе УК РСФСР 1926г., который назывался «Общие начала уголовной политики РСФСР», по поводу мер социальной защиты, несмотря на их жесткость, было отмечено, что эти меры «не могут иметь целью причинение физического страдания или унижение человеческого достоинства и задачи возмездия и кары себе не ставят». В настоящее время в Российской Федерации анализируемый принцип вытекает из основ конституционного строя, которые провозглашают приоритет человеческой личности. Так, в соответствии со ст. 2 Конституции РФ, «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и

защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства».

В этой связи в положениях ст.7УК РФ указано, что целью уголовного закона является обеспечение безопасности человека, а наказание и применяемые к лицу меры уголовно-правового характера не могут преследовать цели причинения физических страданий или умаления человеческого достоинства.

Гуманность является составной частью гуманизма и означает сострадательное, мягкое, доброе и милосердное отношение к человеку, проявление которого не может исключаться, какое бы деяние ни совершило лицо ввиду его принадлежности к человечеству.

Таким образом, данный уголовно-правовой принцип рассматривает с учетом двух аспектов: в отношении личности как самого ценного объекта уголовно- правовой охраны, в отношении лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние.

Уголовно-правовое выражение гуманизма в первом аспекте сводится к тому, что по смыслу самого закона приоритет отдается охране прав и свобод. Предполагающая приоритет в иерархии подлежащих охране ценностей социальную и личную безопасность норма отражена в ст.2 УК РФ.

Однако, подобное толкование ч.1ст.7 УК РФ можно расценивать как расширительное, поскольку обеспечение безопасности человека в данной норме позиционируется как цель, а не принцип. Другими словами, здесь обозначается назначение уголовного законодательства: данное требование является некой нормой-декларацией. Нормативность принципа права означает закрепление правила поведения законом. В этой связи содержание данного нормативного положения можно изложить в следующей форме: «уголовный закон, его дополнение и изменение, а также порядок применения базируются на приоритете обеспечения безопасности человека».

В другом, предполагающем проявление человеколюбия к лицу, совершившему преступное посягательство, аспекте наличие в кодексе ряда норм соответствующего толка объясняется именно данной идеей.

К их числу возможно отнесение норм: устанавливающих наказание и иные

меры уголовно-правового характера, исключаются возможность стремиться к достижению цели причинения физической боли и страданий или умаления человеческого достоинства (гл. 9, 15, 15.1 УК РФ, санкции статей особенной части); которые предполагают лояльность условий ответственности не достигших совершеннолетия лиц, запрещают принятие решений о назначении наказания в виде смертной казни в отношении женщин, шестидесятилетних (на момент осуждения) мужчин, а также субъектов, совершивших преступления до достижения восемнадцатилетнего возраста; нормы, закрепившие основания для смягчения наказания несовершеннолетним, беременным, имеющим малолетних детей, совершившим преступления ввиду стечения тяжелых жизненных обстоятельств, по мотиву сострадания, об отсрочке исполнения наказания матерям малолетних детей и беременным женщинам, о помиловании и амнистии, об исключении из числа привлекаемых к ответственности близких родственников совершивших преступления лиц с случае их укрывательства (прим. к ст.316 УК РФ) и др.

В большинстве приведенных норм нравственный критерий превалирует над правовым в качестве основания для отступления от общего правила в пользу смягчения уголовной репрессии. В этих случаях виновным лицом не совершается имеющего юридически положительное значение поступка, при этом улучшение его положения базируется на морально-нравственных установках, имеющих социальное значение, которые выражаются в гуманном и милосердном отношении к определенным лицам. Нельзя сказать, что оправдано ссылаться на гуманистические начала, обосновывая ими закрепление в законе всех видов освобождение от ответственности. Например, когда основанием для такого освобождения служит деятельное раскаяние, оно базируется не на морали, а прежде всего на юридическом факте, то есть положительном посткриминальном поведении, в результате которого лицо не характеризуется как общественно опасное.

Дискуссия по поводу соотношения норм уголовного закона и принципа гуманизма достаточно распространенное явление среди ученых-юристов. Один

из наиболее обсуждаемых вопросов является соответствие смертной казни обсуждаемому принципу.

Н.А. Лопашенко исключает гуманизм закона, если в последнем предусматривается возможность назначения смертной казни.

И.Э. Звечаровский, напротив, считает, что «и при назначении наказания в виде смертной казни государство сохраняет незыблемой ценность человека как личности». Ведь согласно действующему закону, данная исключительная мера наказания назначается только за особо тяжкие преступления против жизни.

С этой точки зрения можно говорить о том, что наличие в законе такого вида наказания, как смертная казнь не порождает противоречия принципу гуманизма, поскольку используется в качестве превентивной меры для защиты человеческой жизни, позволяя тем самым достичь важнейшую цель уголовно закона – обеспечение безопасности.

Второе значение гуманизма в этом случае проявляется: в применении данной исключительной меры наказания исключительно в случаях совершения посягающих на жизнь особо тяжких преступлений; в запрете использования при исполнении указанного вида наказания средств и способов, способных причинить особые страдания и унижить достоинство личности; в возможности в порядке помилования заменить данный вид наказания лишением свободы пожизненно; в запрете на ее применение к женщинам, несовершеннолетним, мужчинам в возрасте 60 лет на момент осуждения. При этом запрет назначать смертную казнь женщинам по соображениям гуманизма влечет противоречия принципу равенства, поскольку поражает дискриминацию по половому признаку. Также несправедливо оправдывать это с точки зрения физиологии, полагая, что женщина не способна совершить преступление, наказываемое смертной казнью. То есть запрет подвергать смертной казни женщину при наличии оснований ее применения, предусмотренных для мужчин, со ссылкой на половую принадлежность, не имеет какого-либо обоснования. Таким образом, оправдывание гуманизмом невозможности применения определенного вида наказания только лишь в силу того, что преступником является женщина, влечет

нарушение правового равенства. Полагаем, что невозможность применения смертной казни справедливо распространять только на беременных женщин, в таком случае это будет обосновано не половой принадлежностью, а необходимостью защиты жизни плода. Такой подход нашел свое отражение в УК РСФСР 1926 года, однако, не сохранился в модернизированном уголовном законе, хотя и способен был обеспечить соблюдение требований гуманизма и равенства.

Принято ссылаться на гуманизм в обоснование решений в уголовно-политике. Так, при внесении изменений в нормативную базу уполномоченными лицами неоднократно отмечалось, что такие изменения имеют своей целью гуманизацию уголовной-правовой политики государства. Так, например, было аргументировано гуманистическими соображениями принятие Постановления Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 22 сентября 2006 г. № 3498-4 ГД «Об объявлении амнистии в отношении лиц, совершивших преступления в период проведения контртеррористических операций на территориях субъектов Российской Федерации, находящихся в пределах Южного федерального округа» аргументировалось, в частности, принципом гуманизма.

В научной литературе подобная гуманизация довольно часто подвергается критике. Верно подметила Н.А. Лопашенко, что «современная уголовная политика несет в себе большой заряд ничем не обоснованной гуманности, нежели действующее уголовное законодательство. Так, фактически сохраняющийся мораторий на применение смертной казни, по ее мнению, есть ни что иное, как несущий в себе большой заряд гуманности уголовно-политический шаг».

В этой связи в условиях сохранения подобной тенденции в уголовно-правовой политике неизбежна еще более распространенная «гуманизация» либерального толка.

Таким образом, можно говорить о том, что содержание изучаемого начала отрасли характеризуется приданием в конкретных, законодательно определенных случаях, приоритетного значения социально признанным моральным установкам в сравнении с формальными обстоятельствами. В целом

же его можно охарактеризовать достаточной степенью реализованности в нормах закона, однако, характерно то, что в отдельных случаях данное начало приобретает форму либерализма. Уголовное правотворчество должно реализовываться в духе строгого учета принципа гуманизма, однако не в ущерб другим началам отрасли.

2.2. Характеристика «нетрадиционных» (нетипичных) принципов уголовного права

В предыдущем параграфе мы проанализировали систему принципов уголовного права, закрепленных в действующем уголовном законе, но как представляется, современную систему уголовно-правовых принципов нельзя назвать полностью завершенной. В рамках данной системы можно выделить так называемые «нетрадиционные», или «нетипичные», принципы уголовного права. Вопрос в том, есть ли смысл законодательного отражения такого рода принципов, как это сделано, например, в отношении принципов законности, равенства граждан перед законом, вины, справедливости и гуманизма, хотя вполне допускаем, что дискуссия относительно данной посылки вполне возможна. Можно выделить следующие «нетипичные» принципы уголовного права:

- принцип презумпции виновности,
- принцип объективного вменения
- принцип диспозитивности.

По мнению профессора Н.А. Огурцова, деятельность правоохранительных органов основывается именно на так называемом принципе презумпции виновности. Посылка такова: следователь возбуждает уголовное дело потому, что предполагает наличие факта совершения преступления. И если презумпция невиновности относится к правовому статусу лица (невозможность применения к нему уголовно-правовых репрессивных мер при отсутствии обвинительного приговора суда), то идея (презумпция) о виновности конкретного человека (либо

о наличии факта совершения конкретного преступления) – своеобразный толчок к уголовно-обвинительной деятельности правоприменительных органов.

Из этого следует, что в основу принципа презумпции виновности заложен ярко выраженный процессуальный характер, так как он определяет деятельность следственных органов. Но все же первооснова (правовая природа) данного принципа проявляется в материальном (объективном) характере уголовного права как такового. Если совершено преступление, то оно является таковым изначально, независимо от того, стало ли о нем известно правоохранительным органам и был ли привлечен виновный к уголовной ответственности за преступное деяние. Сам факт совершения преступления (как основание ретроспективной уголовной ответственности) детерминирует возникновение охранительных уголовно-правовых отношений, реализация которых осуществляется посредством процессуальной деятельности органов расследования. Следовательно, правовая природа принципа презумпции виновности обусловлена объективным (материальным) характером уголовного права и, соответственно, можно утверждать о наличии данного принципа в системе отправных начал (принципов) уголовного права.

Следующий вопрос: характерен ли для уголовного права (как, например, для гражданского права) принцип объективного вменения с позиций уголовного закона ответ однозначно отрицательный, ибо это прямо вытекает из положения ч. 2 ст. 5 УК РФ: «объективное вменение... не допускается».

Однако возникает закономерный вопрос о том, охватывает ли легальное определение понятия «объективное вменение» все аспекты данной категории. Здесь можно выразить некоторые сомнения. Как соотносятся категории «объективное вменение» и «косвенный неопределенный умысел»? В большинстве случаев квалификация причинения вреда здоровью в ходе ссоры, переросшей в драку, зависит от фактически наступивших последствий – вида вреда здоровью (виновный при этом может и не предполагать, какой конкретно вред он причиняет потерпевшему (например, не может знать о наличии у женщины беременности, прерывание которой характеризует один из признаков

тяжкого вреда здоровью). О чем здесь идет речь? скорее всего, об объективном вменении. А указания на косвенный неопределенный умысел для данных случаев следует признать лишь как своего рода отговорку, аргументацию принципа вины, определяющего существо уголовной ответственности в целом.

С другой стороны, как можно оценить правило уголовного законодательства, в соответствии с которым «штраф, назначенный несовершеннолетнему осужденному, по решению суда может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с их согласия» (ч. 2 ст. 88 УК РФ). Можно ли признать данное положение УК РФ нарушающим принцип вины, сформулированный, как отмечалось, в ч. 1 ст. 5 УК РФ: «лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина»? ответ на данный вопрос отрицательный, поскольку согласие родителей (иных законных представителей) заплатить штраф, назначенный их ребенку, не позволяет отнести такие выплаты к уголовной ответственности, так как сущность последней проявляется в принуждении, а «принуждение по согласию» совершенно внутренне противоречиво.

В то же время уплата штрафа вместо несовершеннолетнего осужденного его родителями (иными законными представителями) с их согласия есть не что иное, как форма реализации уголовной ответственности. Таким образом, уплата штрафа родителями (иными законными представителями) представляется разновидностью реализации уголовной ответственности без вины, то есть проявлением принципа объективного вменения.

Здесь возникает резонный вопрос: а может, речь идет о восстановлении принципа целесообразности уголовной репрессии, присущего уголовному праву первых лет советской власти, от которого современное уголовное право обоснованно отказалось? Как видно, вопросов много. Объективное вменение в уголовном праве представляется совершенно неприемлемым, однако реализация именно принципа вины на уровне уголовно-правовой теории, уголовного

законодательства и соответствующей правоприменительной практики должна быть более четко определена.

Говоря о принципе диспозитивности вообще, следует заметить, что его традиционно не относят к принципам уголовного права. согласно Юридическому энциклопедическому словарю диспозитивность (от лат. *dispono* – располагаю, устраиваю) – один из основных демократических принципов гражданского процессуального права, означающий, что стороны и другие участвующие в деле лица могут свободно распоряжаться своими материальными и процессуальными правами.

О диспозитивности как принципе уголовного процесса пишут А.С. Александров [Александров с. 7] и И.Л. Петрухин [Петрухин с. 24].

О диспозитивности как принципе уголовного права до недавнего времени исследователи умалчивали. Однако уже в первое десятилетие XXI века ученые под влиянием общей демократизации российского общества стали осознавать диспозитивность как правовое явление, которое должно быть присуще национальному уголовному праву и в соответствии с которым частное лицо в сфере уголовно-правового регулирования должно быть признано активным субъектом права. В частности, Б.В. Волженкин обоснованно утверждает: «важной тенденцией в эволюции отечественного уголовного права на современном этапе является расширение диспозитивных начал, признание потерпевшего от преступления субъектом не только уголовно-процессуального, но и уголовного правоотношения, способным существенно повлиять на его развитие» [Волженкин с. 27-28].

Анализируя вопрос о признании (непризнании) диспозитивности в качестве принципа уголовного права, первоначально обозначим сущность данной категории: диспозитивность в праве – это способность лица своей волей определять собственное поведение, реализовывать свой субъективный интерес. Там, где правовые последствия поставлены законодателем в зависимость от усмотрения частного лица, речь идет о принципе диспозитивности и соответствующем ему методе правового регулирования. Во-первых, если такого

рода законодательных предписаний (правовых институтов) в конкретной отрасли права большинство, то есть они являются основными, то эта зависимость определяет сущность самой отрасли и обуславливает ее характеристику и определение как отрасли частного или публичного права.

Во-вторых, следует утверждать, что не бывает (и не может быть) в «чистом» виде отраслей публичного или частного права; бывает большинство публично-правовых или частно-правовых институтов в той или иной отрасли. Противопоставление таких институтов друг другу «невозможно», так как одно, безусловно, исключает другое. как только ставится вопрос об обязывании, свобода воли аннулируется; если же устанавливается зависимость правовых последствий от воли (усмотрения) лица, то обязывание невозможно. Таким образом, диспозитивность как принцип (общее начало) определяет существо и метод регулирования именно правового института, но не отрасли в целом. Данная посылка подтверждается тем, что большинство ученых, исследуя вопрос о соотношении частного и публичного права, ведут речь в основном не об отрасли права, а об отдельных правах (правомочиях). Так, Г.Ф. Пухта говорит о принадлежности конкретного права; Р. фон Иеринг имеет в виду правовые институты, Е.Н. Трубецкой ведет речь о конкретном правоотношении в рамках реализации конкретного права и т.п. следовательно, диспозитивность определяет сущность законодательного решения, предусматривающего и гарантирующего свободу волеизъявления частного лица при решении вопросов о пользовании теми или иными правомочиями в конкретной сфере правового регулирования (принцип права).

С содержательной стороны диспозитивность зависит так же от материального или процессуального характера права. Например, в уголовно-процессуальной литературе обоснованно отмечают тот факт, что диспозитивность следует рассматривать в материальном и формальном аспектах. В частности, по мнению Н.Н. Полянского, М.С. Строговича, В.М. Савицкого, А.А. Мельникова и А.С. Александрова, материальная диспозитивность в уголовном процессе – это возможность реализации права на

возбуждение уголовного преследования, а формальная – возможность участия в уголовно-процессуальной деятельности в качестве частного обвинителя. Другие авторы, не выделяя данных видов диспозитивности и рассматривая ее как принцип права, по сути, говорят об одном и том же – о возможности реализации субъективного права по усмотрению самого субъекта. Возможность реализации права предполагает его наличие. соответственно, в зависимости от того, к какой сфере правового регулирования (материального или процессуального) относится конкретное право, можно говорить о двух названных видах диспозитивности: материальной (характерной для материального права) и формальной (типичной для процессуального). Таковы, как представляется, теоретико-методологические основы, характеризующие диспозитивность как правовой принцип.

Общетеоретические положения свидетельствуют о возможности «присутствия» в уголовном законодательстве норм или даже правовых институтов, характеризующих проявление диспозитивности в этой отрасли. еще раз повторим, что теоретически это допустимо. с практических позиций – в части определения действительного отражения принципа диспозитивности в уголовном праве – необходимо выявить те уголовно-правовые нормы (институты), в которых юридически значимые последствия зависят от воли частного лица. На основании изложенного приходим, казалось бы, к парадоксальному выводу – в уголовном законе содержится ряд таких норм:

- добровольный отказ от преступления (ст. 31 УК РФ);
- нормы, включенные в главу 8 УК РФ «обстоятельства, исключаящие преступность деяния»;
- нормы, связывающие уголовно-правовые последствия деяния с постпреступным поведением виновного либо потерпевшего, и т.п.

Во всех этих случаях, когда частное лицо (как виновный, так и пострадавший) фактически свободно в выборе поведения, законодатель либо использует прямую формулировку – «добровольно» (ст. 31, ч. 1 ст. 75, примечания к ст.ст. 110.2, 126, 127.1, 178, 184, 200.1, 204, 204.1, 204.2, 205.4, 205.5, 206, 208, 210, 222, 222.1, 223, 223.1, 228, 228.3, 275, 282.1, 282.2, 284.1, 291,

291.1, 291.2, 307 УК РФ), либо подразумевает свободу воли (ст.ст. 37, 38, 41, п. «и», «к» ч. 1 ст. 61, ст.ст. 75, 76, примечания к ст.ст. 122, 201 УК РФ и др.). Даже этот далеко не полный перечень уголовно-правовых норм, определяющих возможность реализации права в зависимости от воли (усмотрения) частного лица, является свидетельством отражения диспозитивных начал в уголовном праве, следовательно, основным принципом реализации положений, заложенных в указанных уголовно-правовых нормах, является принцип диспозитивности.

Формально данный принцип можно выразить следующим образом: «Уголовное законодательство Российской Федерации в строго определенных случаях гарантирует человеку возможность действовать по своему усмотрению в целях реализации законных субъективных прав и интересов».

По итогу следует еще раз подчеркнуть, что для уголовного права могут быть характерны и иные, «нетипичные» («нетрадиционные») правовые принципы. Детальная разработка системы таковых, на наш взгляд, еще ждет своих исследователей.

ГЛАВА 3. НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ЧАСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА

3.1. Совершенствование уголовного законодательства в части определения принципов уголовного права

Для решения проблемы дальнейшего совершенствования и развития принципов уголовного права представляет повышенный интерес постановка и правильное разрешение вопросов умелого заимствования положительного правотворческого опыта развитых зарубежных стран. Решением этих проблем, -

пишет профессор У.С. Джекебаев, - занято такое теоретико-методологическое направление, как сравнительное правоведение. Метод изучения правовых систем различных государств, сопоставление одноименных правовых институтов, систем права, их основных принципов многое дает для осмысления современных проблем права, в том числе уголовного.

При использовании рекомендаций из области сравнительного правоведения необходимо учитывать специфику национального и взятого для сравнения в качестве прогрессивного, с целью заимствования позитивных аспектов зарубежного законодательства. Уголовное право любой страны, по мнению профессора А.В. Наумова, имеет свою специфику. Она проявляется в содержании основных уголовно-правовых институтов (уголовный закон, преступление, наказание), обусловленных историческими, национальными и культурными традициями, особенностями политического устройства общества, его экономики и многими другими факторами. Вместе с тем уголовное право определенных стран по ряду параметров и характеристик сближается, имеет общие историко-правовые корни, в связи с чем, в теории права принято говорить о системах («семьях») права.

При положительном разрешении вопросов законодательной регламентации и, соответственно, закрепления правового порядка неукоснительного соблюдения принципов уголовного права, могут открыться новые возможности для уточнения отдельных институтов действующего уголовного законодательства. Так, повышенную актуальность, с точки зрения реализации принципов гуманизма и справедливости, представляет разработка проблемы дальнейшего совершенствования и развития действующего уголовного законодательства в плане конструирования норм об ответственности и наказании за отдельные составы общественно опасных деяний, вызывающих широкий общественный резонанс [Филимонова, Зухов].

3.2. Совершенствование практических форм реализации принципов уголовного права

Реализация принципов уголовного законодательства на практике происходит с определенными сложностями, и тому есть ряд причин.

Во-первых, принципы уголовного права в Уголовном кодексе Российской Федерации сформулированы не исчерпывающим образом. УК РФ упоминает о принципах законности, равенства граждан перед законом, вины, справедливости и гуманизма. В настоящее время многие ученые указывают на необходимость закрепления в Кодексе принципа неотвратимости уголовной ответственности. Ценность отражения в нормах УК РФ этого принципа трудно переоценить. Неотвратимость привлечения к уголовной ответственности имеет огромное превентивное значение. При этом правоохранительные органы должны неуклонно проводить данный принцип в жизнь – освобождение от уголовной ответственности может производиться только при наличии оснований, предусмотренных в УК РФ.

Во-вторых, в УК РФ имеются нормы, которые вступают в противоречие с принципами уголовного права в силу недостатков юридической техники. Так, отдельные составы преступлений трудно отграничить друг от друга; грани между административным правонарушением и преступлением нередко слишком расплывчаты; бланкетные диспозиции ряда уголовно-правовых норм требуют от правоприменителя широкого кругозора и умения их правильно толковать – это можно сказать и о нормах с оценочными признаками диспозиций составов преступлений, и с квалифицирующими признаками состава преступлений. К тому же ведомственные нормативные акты, на которые, прежде всего, в силу сложившейся традиции ориентируются сотрудники правоохранительных органов, не всегда соответствуют УК РФ. Как следствие, причиняется ущерб охраняемым уголовным законом правовым ценностям. Также следует упомянуть о существовании различного рода иммунитетов у отдельных категорий граждан, что не всегда оправданно [Рарог с. 624].

В-третьих, следует учитывать, что в реализации принципов уголовного права значительная роль отводится Верховному Суду Российской Федерации. С

одной стороны, это отражается в постановлениях Пленума ВС РФ, которые представляют собой настоящее руководство по толкованию уголовно-правовых норм. В этих документах не только отражается занимаемая ВС РФ позиция – из их анализа можно сделать выводы, каким образом должны трактоваться те или иные принципы уголовного права и какие аргументы приводятся в пользу их толкования определенным образом. С другой стороны, ВС РФ уполномочен отменять или изменять приговоры нижестоящих судов, а это происходит в тех случаях, когда эти суды нарушают те или иные принципы уголовного права, т.е. его основные начала, руководящие основы. Поэтому для правоприменителя весьма важно систематически и своевременно знакомиться с обзорами судебной практики по рассмотрению той или иной категории уголовных дел.

В-четвертых, очень многое зависит от эффективности деятельности работников правоохранительных органов. Однако не все работники в настоящее время получают юридическое образование надлежащего качества. Между тем это приводит к серьезным проблемам в их практической деятельности. Так, недостаток теоретических знаний приводит к неправильному толкованию норм уголовного закона, неверной квалификации совершенного деяния, установлению формы вины и т.п. Сомнения в уголовно-правовой оценке деяния лица трактуются по традиции не в его пользу, особенно при привлечении к уголовной ответственности несовершеннолетних или ограниченно вменяемых лиц. С таким «обвинительным уклоном» необходимо бороться. Также следует отметить ненадлежащую защиту прав и законных интересов потерпевшего. В большей степени это обусловлено несовершенством действующего законодательства, которое закрепило дисбаланс в правовых статусах потерпевшего и лица, совершившего преступное деяние; в меньшей – действиями самих сотрудников правоохранительных органов [Рашидов с. 124-126].

Таким образом, представляется целесообразным в рамках дальнейших научно-практических исследований определить направления совершенствования уголовного законодательства как в части определения, та и

относительно форм реализации принципов уголовного права. Концептуальная разработка системы таковых, на наш взгляд, еще ждет своих исследователей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая исследование, подведем основные итоги нашей работы.

1. Установлено, что в науке уголовного права единого понимания того, какими признаками должен обладать правовой принцип, не сложилось - авторы предлагают рассматривать разные признаки, лишь некоторые из которых совпадают. Высказано предположение, что такая ситуация обусловливается тем, что большинство юристов недооценивает значимость данного вопроса, а потому детальных и глубинных исследований признаков, из которых складывается понятие правовых принципов, на данный момент в отечественной теории права не осуществлено. Результаты проведенного исследования убеждают в том, что определение четкого перечня признаков правовых принципов влечет решение ряда важных вопросов, связанных не только с определением понятия «правовой принцип», но и с отграничением его от смежных понятий, выявлением его функций, проверкой тех или иных положений на возможность

отнесения их к принципиальным идеям, рассмотрением уголовно-правовых принципов как системного явления и т.д. На основе этих признаков и базируется определение уголовно-правовых принципов как системы научно сформулированных, предельно обобщенных идей, выражающих обязательные требования, на которых основываются уголовное право и уголовно-правовая политика.

2. Четкое определение функций уголовно-правового принципа дало возможность ясно очертить сферу его влияния в нормотворчестве и применении уголовного права. Перечень функций принципа демонстрирует законодателю и, в особенности, правоприменителю их возможности, расширяя горизонт их юридического правосознания и повышая правовую культуру. Исследование данного вопроса позволило выделить следующие функции уголовно-правовых принципов: идеологическую; политическую; регулятивную; функцию толкования; стабилизирующую; системообразующую.

3. Вопрос об иерархическом соотношении законодательно-определенных

и «нетрадиционных» принципов уголовного права должен решаться в пользу приоритета последних. Законодательно-определенные принципы - это «застывший» результат уголовно-правовой политики, своего рода центр, куда устремлена уголовно-правовая политика.

4. Исследование законодательно-определенных принципов, нашедших отражение в УК РФ, показало, что большинство из них, безусловно свойственно российскому уголовному праву. Однако следует обратить внимание на определенные недостатки и противоречия в них.

4.1. Так, требование принципа законности, запрещающее применение уголовного закона по аналогии, нуждается в пересмотре для приближения к потребностям правоприменительной практики.

4.2. Принцип вины, сформулированный в ст. 5 УК РФ, имеет слишком узкое содержание, поскольку требует выяснения психического отношения виновного только к деянию и его общественно опасным последствиям. На практике же необходимо устанавливать осознание лицом и других объективных, а в некоторых случаях и даже субъективных, признаков состава преступления.

4.3. Суть принципа справедливости (ст. 6 УК РФ) в большей степени отражает название «принцип соразмерности», так как именно о соразмерности на самом деле идет речь. Ч. 2 из ст. 6 УК РФ следует исключить, так как в ней закреплено положение, не относящееся к принципу справедливости. Это принцип недопустимости повторной ответственности за одно и то же преступление, заслуживающий помещения в отдельную статью.

4.4. Принцип гуманизма в целом получает реализацию в уголовно-правовых нормах, однако в некоторых случаях он приобретает форму либерализма. Суть этого принципа проявляется в том, что общественные моральные установки в некоторых случаях, предусмотренных уголовным законом, преобладают над формальными обстоятельствами.

4.5. Принцип равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ) – единственный из продекларированных в УК принципов, который не получает развития в системе уголовно-правовых принципов. Преломления принципа

равенства граждан перед законом в каких-либо сферах уголовно-правовой политики в науке уголовного права не найдены, и возможно потому, что этот общеправовой принцип не имеет уголовно-правовой специфики. В связи с этим указание принципа равенства граждан перед законом в УК нецелесообразно.

5. Для решения проблемы дальнейшего совершенствования и развития принципов уголовного права представляет повышенный интерес постановка и правильное разрешение вопросов умелого заимствования положительного правотворческого опыта развитых зарубежных стран. Метод изучения правовых систем различных государств, сопоставление одноименных правовых институтов, систем права, их основных принципов многое дает для осмысления современных проблем права, в том числе уголовного.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Консультант Плюс: справочно-правовая система. [Электронный ресурс]. Дата обращения: 10.10.2022.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) (вместе с Протоколом № 1 (Подписан в г. Париже 20.03.1952), Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), Протоколом №7 (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // Консультант Плюс: справочно-правовая система. [Электронный ресурс]. Дата обращения: 12.09.2022.
3. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ, . // Консультант Плюс: справочно-правовая система. [Электронный ресурс]. Дата обращения: 24.06.2022
4. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г.
5. № 51-ФЗ. Ч. I (в ред. ФЗ от 29 декабря 2017 г. № 459-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
6. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 3 апреля 2017 г. № 60-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 15. – Ст. 2135.
7. О внесении изменений в статью 54 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 69 и 72 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 24 ноября 2014 г. № 371-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 48. – Ст. 6652.
8. О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Кодекс РФ об административных правонарушениях в связи с совершенствованием

государственного управления в области противодействия коррупции :
Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ // Собрание законодательства
Российской Федерации. – 2011. – № 19. – Ст. 2714.

9. О внесении изменения в статью 264 Уголовного кодекса Российской
Федерации : Федеральный закон от 13 февраля 2009 г. № 20-ФЗ // Собрание
законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 7. – Ст. 788.

10. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации
: Федеральный закон от 27 июля 2009 г. № 215-ФЗ // Собрание законодательства
Российской Федерации. – 2009. – № 31. – Ст. 3921.

11. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации
: Федеральный закон от 8 апреля 2008 г. № 43-ФЗ // Собрание законодательства
Российской Федерации. – 2008. – № 15. – Ст. 1444.

12. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации
: Федеральный закон от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ // Собрание законодательства
Российской Федерации. – 2004. – № 30. – Ст. 3091.

13. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс
Российской Федерации : Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ //
Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – Ст. 4848.

14. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс
Российской Федерации : Федеральный закон от 25 июня 1998 г. № 92-ФЗ //
Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 26. – Ст.
3012.

Монографии

1. Аверьянов, А. Н. Системное познание мира: методологические
проблемы / А. Н. Аверьянов. – М.: Политиздат, 1985. – 263 с.
2. Алексеев, С. С. Общая теория права : в 2 т. Т. 1 / С. С. Алексеев.
– М.: Юридическая литература, 1981. – 360 с.
– Алексеев, С. С. Общая теория права : в 2 т. Т. 2 / С. С. Алексеев.
М.: Юридическая литература, 1982. – 354 с.

3. Алексеев, С. С. Общая теория социалистического права. Вып. I /С. С. Алексеев. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1963. – 264 с.
4. Алексеев, С. С. Структура советского права / С. С. Алексеев. – М.: Юридическая литература, 1975. – 264 с.
5. Алексеев, С. С. Теория права / С. С. Алексеев. – М.: БЕК, 1995. – 320 с.
6. Алексеев, С. С. Теория права / С. С. Алексеев. – Харьков: БЕК, 1994. – 224 с.
7. Арон, Р. Этапы развития социологической мысли / Р. Арон. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Политика», 1993. – 608 с.
8. Батанов, А. Н. Принудительные меры медицинского характера в уголовном праве России / А. Н. Батанов, А. И. Друзин, А. В. Рагулина, А. И. Чучаев. – Ульяновск: УлГУ, 2002. – 363 с.
9. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа / пер. с ит. Ю. М. Юмашева. – М.: Инфра-М, 2000. – 240 с.
10. Беляев, Н. А. Избранные труды / Н. А. Беляев. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 569 с.
11. Брожик, В. Марксистская теории оценки В. Брожик. – М.: Прогресс, 1982. – 261 с.
– Бура, Н. А. Функции общественного правосознания / С. А. Бура. Киев: Наукова думка, 1986. – 88 с.
12. Велиев, С. А. Индивидуализация уголовного наказания / С. А. Велиев, А. В. Савенков. – М.: РОХОС, 2005. – 216 с.
13. Витрук, Н. В. Общая теория правового положения личности /Н. В. Витрук. – М.: Норма : ИНФРА-М, 2017. – 448 с.
14. Витрук, Н. В. Общая теория юридической ответственности /Н. В. Витрук. – М.: Норма : ИНФРА-М, 2017. – 432 с.
15. Гарбатович, Д. А. Квалификация уголовно-правовых деяний по субъективной стороне / Д. А. Гарбатович. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 191 с.
16. Дедов, Д. И. Юридический метод / Д. И. Дедов. – М.: Волтерс

Клувер, 2008. – 160 с.

17. Иванчин, А. В. Конструирование состава преступления: теория и практика : монография / А. В. Иванчин. – М.: Проспект, 2014. – 352 с.

18. Ильенков, Э. В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории : монография / Э. В. Ильенков. – М.: Политиздат, 1974. – 271 с.

19. Иногамова-Хегай, Л. В. Международное уголовное право / Л. В. Иногамова-Хегай. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 208 с.

20. Кант, И. Критика практического разума / И. Кант. – СПб.: Наука, 2007. – 528 с.

21. Келина, С. Г. Принципы советского уголовного права / С. Г. Келина, В. Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 1988. – 176 с.

22. Кленова, Т. В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм / Т. В. Кленова. – Самара: Самарский университет, 2001. – 244 с.

23. Кленова, Т. В. Кодификация и текущее уголовно-правовое регулирование / Т. В. Кленова. – Самара: Самарский университет, 1995. – 74 с.

24. Козочкин, И. Д. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования / И. Д. Козочкин. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. – 478 с.

25. Колосовский, В. В. Теоретические проблемы квалификации уголовно-правовых деяний / В. В. Колосовский. – М.: Статут, 2011. – 398 с.

26. Комкова, Г. Н. Конституционный принцип равенства прав и свобод человека в России / Г. Н. Комкова. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2002. – 152 с.

27. Коробеев, А. И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации / А. И. Коробеев. – Владивосток, 1987. – 268 с.

28. Кругликов, Л. Л. Экономические преступления в бюджетной и кредитно-финансовой сферах: вопросы законодательной техники и дифференциации / Л. Л. Кругликов, О. Л. Соловьев, А. С. Грибов. – Ярославль: ЯрГУ, 2008. – 232 с.

29. Кудрявцев, В. Н. Право и поведение / В. Н. Кудрявцев. – М.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. – 192 с.
30. Кудрявцев, В. Н. Общая теория квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. – М.: Юристъ, 1999. – 304 с.
31. Кудрявцев, В. Н. Теоретические основы квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. – М.: Госюриздат, 1963. – 324 с.
32. Кузнецова, Н. Ф. Преступление и преступность / Н. Ф. Кузнецова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 232 с.
33. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. Т. 30 / В. И. Ленин. – М.: Политиздат, 1973. – 562 с.
34. Лесников, Г. Ю. Уголовная политика Российской Федерации (проблемы теории и практики) / Г. Ю. Лесников. – М.: Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 200 с.
35. Лопашенко, Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика / Н. А. Лопашенко. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 339 с.
36. Лопашенко, Н. А. Уголовная политика / Н. А. Лопашенко. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – 608 с.
37. Лукашева, Е. А. Социалистическое правосознание и законность / Е. А. Лукашева. – М.: Юридическая литература, 1973. – 344 с.
38. Макаренко, А. С. Сочинения: в 7 т. Т. 5 / А. С. Макаренко. – М.: Акад. пед. наук РСФСР, 1958. – 553 с.
39. Максимов, С. В. Цель в уголовном праве: методологические аспекты / С. В. Максимов. – Ульяновск: УлГУ, 2002. – 148 с.
40. Мальцев, В. В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности / В. В. Мальцев. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 694 с.
41. Мальцев, Г. В. Социальная справедливость и право / Г. В. Мальцев. – М.: Мысль, 1977. – 255 с.
42. Маркс, К. Сочинения. Т. 1 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Гос. издат.

полит. лит., 1954. – 676 с.

43. Марцев, А. И. Общие вопросы учения о преступлении / А. И. Марцев. – Омск: Изд-во Ом. юрид. ин-та МВД России, 2000. – 136 с.

44. Марчук, В. В. Методологические основы квалификации преступления / В. В. Марчук. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 440 с.

45. Мясников, О. А. Смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства в теории, законодательстве и судебной практике / О. А. Мясников. – М.: Юрлитинформ, 2002. – 240 с.

46. Недбайло, П. Е. Применение советских правовых норм / П. Е. Недбайло. – М.: Госюриздат, 1960. – 511 с.

47. Никифоров, А. С. Юридическое лицо как субъект преступления и уголовной ответственности / А. С. Никифоров. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2002. – 204 с.

48. Орехов, В. В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния / В. В. Орехов. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 217 с.

49. Побегайло, Э. Ф. Умышленные убийства и борьба с ними / Э. Ф. Побегайло. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1965. – 205 с.

50. Протасов, В. Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства : учебное пособие / В. Н. Протасов. – М.: Юрист, 2001. – 349 с.

51. Пудовочкин, Ю. Е. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых государств / Ю. Е. Пудовочкин, С. С. Пирвагидов. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 297 с.

52. Рарог, А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам / А. И. Рарог. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 304 с.

53. Сабитов, Р. А. Теория и практика квалификации уголовно-правовых деяний / Р. А. Сабитов. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – 144 с.

54. Тарханов, И. А. Поощрение позитивного поведения в уголовном праве / И. А. Тарханов. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2001. – 332 с.
55. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / отв.ред. В. Н. Кудрявцев, С. Г. Келина. – М.: Наука, 1987. – 276 с.
56. Утевский, Б. С. Вина в советском уголовном праве / Б. С. Утевский. – М.: Госюриздат, 1951. – 319 с.
57. Фарбер, И. Е. Свобода и права человека в Советском государстве / И. Е. Фарбер. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1974. – 190 с.
58. Фефелов, П. А. Уголовно-правовая концепция борьбы с преступностью: Основы общей теории / П. А. Фефелов. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 256 с.
59. Филимонов, В. Д. Норма уголовного права / В. Д. Филимонов. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 281 с.
60. Филимонов, В. Д. Охранительная функция уголовного права / В. Д. Филимонов. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 198 с.
61. Хлебушкин, А. Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ / А. Г. Хлебушкин. – Саратов: Изд-во Саратов. юрид. ин-та МВД России, 2007. – 160 с.
62. Чередниченко, Е. Е. Принципы уголовного законодательства: понятие, система, проблемы законодательной регламентации / Е. Е. Чередниченко. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 192 с.
63. Шигина, Н. В. Отражение интересов субъектов уголовного права и субъектов уголовно-правовых отношений в Уголовном кодексе РФ / Н. В. Шигина. – Владимир, 2008. – 152 с.
64. Щепельков, В. Ф. Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты / В. Ф. Щепельков. – М.: Юрлитинформ, 2003. – 416 с.
65. Явич, Л. С. Право развитого социалистического общества (сущность и принципы) / Л. С. Явич. – М.: Юридическая литература, 1978. – 224 с.

Учебная и справочная литература, комментарии к УК РФ

66. Алексеев, П. В. Философия : учебник / П. В. Алексеев, А. В. Панин. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2000. – 604 с.
67. Алексеев, С. С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 3 : Проблемы теории права: курс лекций / С. С. Алексеев. – М.: Статут, 2010. – 781 с.
68. Бурлаков, В. Н. Личность преступника и назначение наказания : учебное пособие / В. Н. Бурлаков. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 88 с.
69. Васильев, Н. В. Принципы советского уголовного права: учебное пособие / Н. В. Васильев. – М.: ВЮЗИ, 1983. – 60 с.
70. Венгеров, А. Б. Теория государства и права : учебник / А. Б. Венгеров. – М.: ОМЕГА-Л, 2005. – 608 с.
71. Вессельс, Й. Уголовное право ФРГ. Общая часть : учебник / Й. Вессельс, В. Бойльке / пер. с нем. Я. М. Плошкиной; под ред. Л. В. Майоровой. – Красноярск: изд-во КрасГУ, 2006. – 368 с.
72. Даль, В. Толковый словарь / В. Даль. – М.: Гослитиздат, 1935.
73. Додонов, В. Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть / В. Н. Додонов. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 446 с.
74. Иванов, А. М. Уголовный закон и уголовная политика на Корейском полуострове: компаративный анализ : учебное пособие / А. М. Иванов, А. Г. Корчагин. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – 160 с.
75. Канке, В. А. Философия для юристов : учебник / В. А. Канке. – М.: Омега-Л, 2009. – 707 с.
76. Квалификация преступлений : учебное пособие / под ред. К. В. Ображиева, Н. И. Пикурова. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 352 с.
77. Кириллов, В. И. Логика : учебник / В. И. Кириллов, А. А. Старченко. – М.: Юристъ, 2004. – 256 с.
78. Комкова, Г. Н. Равенство перед законом и судом // Права человека : энциклопедический словарь / отв. ред. С. С. Алексеев / Г. Н. Комкова.

– М.: Норма : ИНФРА-М, 2016. – 656 с.

79. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. – М.: Юрайт-Издат, 2008. – 273 с.

80. Кузнецова, Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Н. Ф. Кузнецова. – М.: Городец, 2007. – 336 с.

81. Курс российского уголовного права. Общая часть : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. – М.: СПАРК, 2001. – 454 с.

82. Мартьянов, В. С. Справедливость: философско-правовой аспект // Права человека : энциклопедический словарь / отв. ред. С. С. Алексеев / В. С. Мартьянов. – М.: Норма : ИНФРА-М, 2016. – 656 с.

83. Марченко, М. Н. Теория государства и права : учебник / М. Н. Марченко. – М.: Зерцало-М, 2011. – 656 с.

84. Наумов, А. В. Российское уголовное право : курс лекций: в 2-х т. Т. 1. Общая часть / А. В. Наумов. – М.: Юридическая литература, 2004. – 496 с.

85. Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. В. Лазарева. – М.: Спарк, 2004. – 671 с.

86. Непомнящая, Т. В. Назначение уголовного наказания: общие начала, принципы, критерии : учебное пособие / Т. В. Непомнящая. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2003. – 212 с.

87. Общая теория государства и права : в 3-х т. Т. 2. Право : академический курс / Отв. ред. М. Н. Марченко. – М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2013. – 816 с.

88. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

89. Рарог, А. И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений : практическое пособие / А. И. Рарог. – М.: ТК Велби, Проспект, 2006. – 224 с.

90. Российское уголовное право. Особенная часть : учебник : в 2 т. Т.

2. / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рарога. – М.: Контракт, Инфра-М, 2008. – 330 с.

91. Рузавин, Г. И. Философия науки : учебное пособие / Г. И. Рузавин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 400 с.

92. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – М.: Юристъ, 1997. – 672 с.

93. Теория государства и права : учебник / под ред. А. С. Пиголкина. – М.: Юрайт-Издат, 2006. – 613 с.

94. Теория государства и права : учебник / под ред. А. С. Пиголкина, Ю. А. Дмитриева. – М.: Юрайт-Издат, 2011. – 743 с.

95. Теория государства и права : учебник / под ред. П. В. Анисимова. – М.: Зерцало, 2005. – 312 с.

96. Теория государства и права : учебник для вузов / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. – М.: Инфра-М, 2003. – 616 с.

97. Теория государства и права : учебник / Т. Н. Радько, В. В. Лазарев, Л. А. Морозова. – М.: Проспект, 2013. – 576 с.

98. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть : учебное пособие / под ред. И. Д. Козочкина. – М.: Омега-Л, ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2003. – 576 с.

99. Уголовное право. Общая и Особенная части : учебник / под общ. ред. М. П. Журавлева, С. И. Никулина. – М.: НОРМА, 2008. – 816 с.

100. Философия : учебник / под ред. В. В. Миронова. – М.: Норма, 2011. – 928 с.

101. Философский энциклопедический словарь. – М.: Гардарики, 2009. – 576 с.

102. Черданцев, А. Ф. Теория государства и права : учебник для вузов / А. Ф. Черданцев. – М.: Юрайт, 2000. – 432 с.

103. Чугаев, А. П. Назначение наказания : учебное пособие / А. П. Чугаев. – Краснодар: Изд-во Кубан. ун-та, 2003. – 346 с.

Статьи

104. Алексеев, А. И. Должна ли уголовная политика быть либеральной? / А. И. Алексеев // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2003. – № 1. – С. 259-267.
105. Арендаренко, А. В. Роль принципа социальной справедливости в науке уголовного права России / А. В. Арендаренко // Закон и право. – 2007. – № 8. – С. 41-47.
106. Беспалько, В. Г. Принцип талиона в Моисеевом уголовном законодательстве / В. Г. Беспалько // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2016. – № 2. – С. 277-280.
107. Богданова, Э. Ю. Уголовный кодекс Франции как гарант соблюдения принципа законности / Э. Ю. Богданова // Социально-экономические явления и процессы. – 2014. – № 10. – Т. 9. – С. 170-173.
108. Богуш, Г. И. Принцип неотвратимости уголовной ответственности в международном уголовном праве / Г. И. Богуш // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты: материалы III Российского Конгресса уголовного права (29–30 мая 2008 года). – М., 2008. – С. 568-571.
109. Бойко, А. И. и др. Ошибки в Уголовном кодексе // Российская газета. – 2010. 10 июня. – С. 9.
110. Бражник, Ф. С. Неотвратимость наказания / Ф. С. Бражник // XXVII съезд КПСС и укрепление законности и правопорядка. – М., 1987. – С. 143-146.
111. Васильев, А. М. О правовых идеях-принципах А. М. Васильев // Советское государство и право. – 1975. – № 3. – С. 11-18.
112. Верина, Г. Ограничение свободы как вид уголовного наказания в свете законодательных новелл / Г. Верина // Уголовное право. – 2010. – № 5. – С. 8-10.
113. Волков, К. А. Пробелы в уголовном праве и пути их временного устранения / К. А. Волков // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в

Сибирском регионе: сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. памяти д-ра юрид. наук, проф. В. И. Горобцова (10–11 февраля 2005 года). Часть 1. – Красноярск, 2005. – С. 187-191.

114. Гончаренко, А. И. Принцип *Non bis in idem* в уголовном праве / А. И. Гончаренко // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 5. – С. 232-234.

115. Демидов, Ю. А. О закономерностях развития и принципах советского уголовного права / Ю. А. Демидов // Правоведение. – 1968. – № 2. – С. 78–85.

116. Егорова, Н. А. Предметное содержание вины: проблема уголовно-правовой науки и практики / Н. А. Егорова // *Lex russica*. – 2015. – № 12. – С. 64-73.

117. Епифанова Е. В. Аналогия в уголовном праве: история и современность / Е. В. Епифанова // Актуальные проблемы экономики и права. – 2008. – № 1. – С. 113-117.

118. Есаков, Г. А. Покушение как разновидность неоконченного преступления в английском уголовном праве / Г. А. Есаков // *Lex russica*. – 2005. – № 2. – С. 375-393.

119. Журавлев, М. Некоторые вопросы уголовной ответственности и наказания в свете современной уголовной политики / М. Журавлев // Уголовное право. – 2010. – № 5. – С. 20-25.

120. Журавлев, М. П. О формировании государственной политики борьбы с преступностью и ее принципов / М. П. Журавлев // Уголовно- правовые, пенитенциарные принципы и их реализация: правотворческий, правоприменительный уровни: материалы всерос. науч.-практ. конф. (г. Саратов 28–29 марта 2005 года) : в 2 ч. Ч. 1. / под ред. Б. Т. Разгильдиева. – Саратов, 2005. – С. 31-36.

121. Канубриков, В. А. Аналогия в российском уголовном законодательстве / В. А. Канубриков // Таврический научный обозреватель. –

2015. – № 2. – С. 74-77.

122. Кладков, А. Квалификация преступлений, совершенных в соучастии / А. Кладков // Законность. – 1998. – № 8. – С. 26-28.

123. Кленова, Т. В. О совместимости публичного и частного интересов в уголовном праве / Т. В. Кленова // Уголовное право. – 2006. – № 2. – С. 41-45.

124. Козаченко, И. Я. Нищета коррупционной психологии / И. Я. Козаченко // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2017. – № 2. – С. 66-71.

125. Козочкин, И. Д. Принцип законности в современном американском уголовном праве / И. Д. Козочкин // Правоведение. – 2005. – №6. – С. 48-61.

126. Кузнецов А. П. Принципы уголовной политики / А. П. Кузнецов // Общество и право. – 2017. – № 1. – С. 13-17.

127. Мальцев, В. В. Принцип законности в уголовном кодексе Российской Федерации / В. В. Мальцев // Уголовное право. – 2003. – № 1. – С. 37-40.

128. Мамедов, М. Н. Уважение прав человека как принцип правового государства: механизм юридического обеспечения / М. Н. Мамедов // Современное право. – 2011. – № 10. – С. 43-46.

129. Мясникова, А. Ю. К вопросу о значении принципов уголовного права / А. Ю. Мясникова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 6 (401). — С. 188-190

130. Побегайло, Э. Ф. Кризис современной российской политики / Э. Ф. Побегайло // Преступность и уголовное законодательство: реалии, тенденции, взаимовлияние : сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Лопашенко. – Саратов, 2004. – С. 87-109.

131. Попов, И. Указание в диспозиции уголовно-правовой нормы на форму вины / И. Попов // Уголовное право. – 2009. – № 6. – С. 45-48.

132. Рябко, Н. В. К вопросу о понятии, целях и принципах назначения

наказания / Н. В. Рябко // Юрист-Правоведъ. – 2017. – № 2. – С. 59-63.

133. Сидоров, Б. В. Принцип справедливости: его место в системе принципов и норм уголовного права и вопросы совершенствования уголовного права / Б. В. Сидоров // Вестник экономики, права и социологии.

– 2016. – № 4. – С. 189-194.

134. Соколов, И. Проблемы назначения наказания в виде ограничения свободы / И. Соколов // Уголовное право. – 2011. – № 5. – С. 35-43.

135. Степашин, В. М. Принцип экономии репрессии и принцип целесообразности / В. М. Степашин // Вестник Омского университета. Серия Право. – 2017. – № 4. – С. 130-133.

136. Сумачев, А. В. «Нетрадиционные» принципы уголовного права / А. В. Сумачев // Уголовное право на рубеже тысячелетий: материалы региональной научно-практической конференции (г. Тюмень, 5 ноября 2004 г.). – Тюмень: Тюменский юридический институт МВД России, 2004. – С. 4–6.

137. Тарбагаев, А. Н. Принципы уголовного права Нидерландов / А. Н. Тарбагаев // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительная практика : межвуз. сб. науч. тр. – Красноярск, 2000. – С. 117-123.

Судебная практика

1. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2018. – № 5. – С. 11-12.

2. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2016. – № 7. – С. 30-31.

3. О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 года № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня

2015 г. № 30 // Российская газета. – 2015. – 10 июля.

4. О некоторых вопросах судебной практики назначения уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 октября 2009 г. № 20 (утратило силу) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2010. – № 1. – С. 3-7.

5. О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 августа 1984 г. № 14 // Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / сост. С. Г. Ласточкина, Н. Н. Хохлова. – М., 2006. – С. 125-130.

6. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2003. – № 12. – С. 3-8.

7. О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление : постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 27 сентября 2012 г. // Российская газета. – 2012. – 3 окт.

8. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 (в ред. постановления Пленума ВС РФ от 3 декабря 2013 г.) // Российская газета. – 2017. – 17 июля.

9. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 // Российская газета. – 2017. – 11 декабря.

10. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 // Российская

газета. – 2014. – 12 декабря.

11. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 (в ред. постановления Пленума ВС РФ от 30 июня 2015 г. № 30) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2006. – № 8. С. 3-12.

12. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК) : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 (в ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 3 марта 2015 г. № 9) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1999. – № 3. – С. 2-6.

13. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2011. – № 4. – С. 2-10.

14. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней) : постановление Пленума от 10 июня 2010 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2010. – № 8. – С. 3-8.

15. О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2009 г. (в ред. постановления Пленума ВС РФ от 17 ноября 2015 г. № 51) // Российская газета. – 2009. – 29 апреля. – С. 16.

16. О судебном приговоре : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 // Российская газета. – 2016.

– 7 декабря.

17. Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным

делам Верховного Суда РФ за второе полугодие 2012 г. Определение от 30 августа 2012 г. № 82-О12-24СП. [Электронный ресурс]: <http://www.vsrfr.ru/second.php>

18. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 4 апреля 2007 г. № 5-о07-35С // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2008. – № 6. – С. 21-22.

19. Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / сост. С. Г. Ласточкина, Н. Н. Хохлова. – М., 2003. – 696 с.

20. Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / сост. С. Г. Ласточкина, Н. Н. Хохлова. – М., 2006. – 704 с.

21. Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. – М., 1999. – 560 с.

22. Уголовное дело № 50-АПУ14-27 // Архив Верховного Суда Российской Федерации за 2014 г.

23. Уголовное дело № 1–396/12 // Архив Бердского городского суда Новосибирской области за 2012 г.

24. Уголовное дело № 22-1899/2011 // Архив Абаканского городского суда Республики Хакасия за 2011 г.

25. Уголовное дело № 0240/06 // Архив Барнаульского гарнизонного военного суда за 2006 г.

26. Уголовное дело № 72015 // Архив Коченевского районного суда Новосибирской области за 2005 г.

27. Уголовное дело № 1-304/04 // Архив Кировского районного судаг. Ярославля за 2004 г.

28. Уголовное дело № 471/2004 // Архив Приморского краевого суда за 2004 г.